

ВЯЧЕСЛАВ БЕРЕЩЕВ

ЛЫСАЯ

Вячеслав Береснев

Лысяя

«Издательские решения»

Береснев В.

Лысая / В. Береснев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907324-2

Перед вами — летопись бардака в лысой голове Павлены Романовой. Все её метания, боли, вся её злость, кипящая раскалённым газом, скрыта под бритым татуированным черепом. И когда татуировка на виске гласит «Сторонись!», а сама Пашка по кличке Лысая шлёт тебя ко всем чертям — осмелишься ли ты подойти к ней и заговорить? Сумеешь ли ты разглядеть птиц в её голове? А тараканов в своей? И сможешь ли ты, незнакомец, принять своих привычных тараканов за птиц? И жить дальше?

ISBN 978-5-44-907324-2

© Береснев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Свои птицы в голове	6
1	6
2	10
3	13
4	17
Глава 2. Хорошая девочка	20
1	20
2	24
3	28
4	30
Глава 3. Долги	33
1	33
2	37
3	41
4	44
Глава 4. Илюшка	47
1	47
2	51
3	54
4	58
Глава 5. Боль и смелость	62
1	62
2	66
3	71
4	72
Глава 6. Лизок	74
1	74
2	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лыся

Вячеслав Береснев

© Вячеслав Береснев, 2018

ISBN 978-5-4490-7324-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание!

Здесь присутствует достаточно большое количество ненормативной лексики, а ещё говорится про алкоголизм, депрессию и суицид. Автор не оправдывает и не поощряет приведённых в произведении поступков, а просто фиксирует реальность.

Также здесь присутствуют строки из песен популярных и не очень групп, вроде «Сплин», «Город 312», «Мельница», «Канцлер Ги», «Порнофильмы», а также песни Чичериной, Кошки Сашки и нескольких зарубежных исполнителей: «Green Day» или «Escape the Gate» (список не полный). Автор не заявляет никаких прав на приведённые строки, если они будут читателями узнаны.

Большинство персонажей взяты с реально существующих людей, но в то же время реальные фамилии никак не связаны с персонажами, которым принадлежат; некоторые события полностью повторяют реально произошедшие.

Не рекомендуется к прочтению людям высокоморальным и во всём всегда умным и правильным.

*С большим уважением и любовью к каждому, кто прочтёт,
Автор*

Глава 1. Свои птицы в голове

1

– Ну что? – спросила Тамара Геннадьевна, взяв длинную и тонкую указку в пальцы. – Не вижу леса рук, четвёртый «А». Кто-то может решить этот пример?

Как обычно, в такие моменты четвёртый «А» замолкал – воцарялась тишина. Доносились с улицы звуки далёких машин, крики классов, занимающихся физкультурой и первоклашек, которых уже отпускали по домам. На подоконник приземлился вздохмаченный голубь. Походил туда-сюда, покивал и улетел.

– Я могу, – над классом взлетела рука.

Среди ребят пронёсся шёпоток: «Рыжая...»

Тамара Геннадьевна кивнула:

– Если больше идей нет... Выходи, Павленочка, покажи классу, как ты решила.

Пашка спокойно встала, взяла тетрадь, подошла к доске, искусно миновав все выставленные подножки. Взяла мел и вписала после примера число, которое получилось в её вычислениях.

Повернула голову и посмотрела на учительницу.

– Правильно, – кивнула Тамара Геннадьевна. – А теперь сотри ответ и напиши, пожалуйста, как ты решила.

– Вот так, – Пашка повернула тетрадь так, чтобы ей был виден решённый пример.

Глаза Тамары Геннадьевны за острыми очками несколько секунд скользили по листу. Затем учительница развернулась к столу.

– Садись, Павлена. Мы так не решаем.

– Но у меня получилось правильно.

– Я вас совершенно не этому учила! – возмутилась учительница. – То, что у тебя тут накалякано – бред сивой кобылы. Я делаю вывод, что ты откуда-то списала.

Спорить было бесполезно: развернувшись, Пашка закрыла тетрадь и пошла прочь. На этот раз она забыла про подножки, а одноклассники, к сожалению, не забыли: Пашка рухнула промеж парт и весь класс захохотал.

– А ну замолкли! – прикрикнула на них Тамара Геннадьевна, хлопнув по столу. – В этом нет ничего смешного!

Все притихли.

За окнами стояло тёмное зимнее утро. Класс клонило в сон, одна только учительница со смешной фамилией Бобых была бодрее всех живых. Взяв мел, она написала на доске уравнение, заданное на дом и постучала по нему указкой. На звук уравнение было ещё отвратительнее, чем на вид.

– Просыпаемся, седьмой «А»! – голос у Бобых тоже не был райской мелодией, особенно когда она его повышала. – Честно признавайтесь, кто не решал?!

Над классом плавно поднялось несколько робких рук.

– Все – дневники мне на стол. Значит, остальные решали. Так чего сидим? Кто может показать, как решить?

– Я могу.

По классу прошёлся еле слышный шёпот: «Бритая...».

Павлена Романова, семиклассница с короткой стрижкой – почти «ёжиком» – и угрюмым выражением лица, медленно поднялась с места, взяла с парты мятую тетрадь без обычной кле-

ёночной обложки, и пошла к доске. По пути специально пнула тяжёлым ботинком неаккуратно поставленную подножку. Выставивший её Рубенцов шёпотом выругался. Естественно, Бобых всё услышала: помимо своего громкого голоса она, когда нужно, обладала ещё и феноменальным слухом.

– Рубенцов, это что за выражения?! Дневник на стол, живо!

– А чё я сделал, чё эта дура пинается?!

Проигнорировав и Рубенцова, и Бобых, Пашка подошла к доске, взяла мел и в точности переписала из тетради записанную формулу, добавив в конце ответ.

Спустя несколько секунд у Бобых отвисла челюсть.

– Через дискриминант?! Романова, ты что, совсем больная, мы его ещё не проходили?!

– Ну и что, – Пашка пожала плечами, кладя мел обратно. – Ответ-то правильный.

– Но *решила* ты его неверно! – настояла на своей глупой истине Бобых, хлопнув по столу стопкой захваченных за последние минуты дневников, незаметно перекочевавших на её стол. – Мы ещё не проходили решение по дискриминанту. Значит, ты откуда-то списала.

– Да ниоткуда я не списывала, я сама решила! – крикнула ей в лицо Пашка, топнув тяжёлым ботинком так, что на соседних партах подскочили карандаши. – Если я умею решать так, то на кой чёрт мне...

– Ты ещё со мной поспорь! – взвыла Бобых во весь голос так, что стёкла задрожали. – Как я говорю, так и надо решать, понятно тебе?! Дневник на стол, и вон из класса! И на урок не возвращайся!

– Десятый «А», тихо, я сказала!!!

Не сказать, что после этого класс окончательно притих, но хотя бы бумажки на задних рядах летать перестали. Тяжело вздохнув, Раиса Лаврентьевна – она же Бобых – перевела взгляд с верхушек деревьев за окнами на шумный и непослушный десятый «А».

– Начнём с домашнего задания, – произнесла она, раскрывая методичку. Судя по её лицу, последнее, что ей сейчас хотелось делать – это вести один из заключительных майских уроков у десятого класса, разъясняя примеры и задачи, которые им в этом году не пригодятся, а в следующем уже благополучно смоятся из голов даже самых прилежных отличников. – Кто-то решил?..

– Я, – и над классом взлетела рука в чёрном браслете.

Бобых неодобрительно поморщилась. По классу прошелестел шёпот: «Лысяя...».

– Кто-то ещё?

Никто больше желания не изъявлял: все отличницы на первых рядах знали, что Раиса Лаврентьевна всегда придирается к любому решению, будь оно даже самым правильным. Только классная отличница Гульвира (по прозвищу «Костыль») всегда решала всё правильно – но сегодня её в классе не было.

Бобых вздохнула.

– Ну выходи, Романова... «Блесни» знаниями.

И с места поднялась почти что взрослая Пашка: широкоплечая, в мешковатой кожаной куртке, с браслетами на руках, и главное – совершенно лысяя. Над правым ухом, в котором блестел чёрный пирсинг, был приклеен пластырь.

– Как тебе не стыдно в школу в таком ходить, – неодобрительно произнесла Бобых, морщась, как от святой воды.

Полностью её проигнорировав, Пашка вышла к доске даже без тетради. Без единой подсказки выписала на память длинный пример, любому обещающий массу вычислений, но после знака «равно» не стала ничего высчитывать, а нарисована незамысловатую фигуру из двух кружков и овала. Довольная донельзя, посмотрела на Бобых с очаровательной улыбкой.

– Ну теперь правильно?

Весь класс загоготал, а Бобых стала почти что багровой.
– РОМАНОВА, ВОН ИЗ КЛАССА!!!

Именно такой выросла Пашка Романова, среди одноклассников именуемая то «Рыжей», то «Бритой», а с девятого класса и вовсе «Лысой». Не преуспевшая в хорошей учёбе и примерном поведении, Пашка преуспела в подобных выходках, драках с одноклассниками, прогулах и прочем, за что никого никогда не хвалят. С ней проводили уже десятки «исправительных» бесед, однако ни одна из них, кажется, не возымела на Лысую никакого эффекта.

Пашка давно поняла, что всё, ради чего выкладываются эти подлизы, вечно сидящие на первых партах, не имеет никакого значения, если это нужно просто для того, чтобы сдать финальные экзамены и попрощаться со всей образовательной системой с её девятью кругами. Нет никакого смысла читать книги, которые я не хочу читать. Нет никакого смысла решать уравнение одним способом, если я знаю три других. Школьные учителя терпеть не могли выхода за рамки, потому что попросту не знали, что с ними делать, а потому всё «образование» летело к чертям.

Не добавляли любви к школе и одноклассники, присваивающие Пашке одну кличку за другой. Стоило ей перестать быть «Рыжей» – так мерзотный Дима Рубенцов обозвал её «Бритой», и кличка снова прилипла намертво. Окончательно выйдя из себя, Пашка сурово его избила, а когда поняла, что от клички её это не избавит – побрилась на лысо.

Естественно, криков от родителей и учителей было выше крыши, и эффект в виде новой очевидной клички был ожидаем, однако больше Пашку это не беспокоило. Найдя себе друзей вне школы, таких же отпетых раздолбаев, она стала тем, кем стала – и её это вполне устраивало.

...Так уж вышло, что Бобых, не задумываясь, погнала её из класса в самом начале урока. Помимо алгебры в расписании стояла ещё и литература, но Пашка махнула рукой: всё равно злополучных «Отцов и детей» она так и не дочитала. Так что, закинув сумку на плечо, Лыся с довольной улыбкой покинула школу, подставив лицо тёплому майскому солнцу.

Погода на улице была просто загляденье, поэтому Пашка сбросила с плеч кожанку и сунула в сумку, оставшись в белой мятой рубашке с короткими рукавами да спортивных штанах. Выйдя за школьные ворота, она ещё немного повозилась, достав из сумки наушники, и двинулась в путь, только когда в ушах заиграли гитарные струны.

Дома делать было нечего, так что Пашка направилась в местный парк, в глубине которого находилось полуразвалившееся заброшенное здание неизвестного происхождения. Никто не знал, что в нём было раньше, автодром, шахматный клуб или какая-то лаборатория, однако заброшенное здание размерами с небольшой стадион часто привлекало разного рода компании. И сейчас Пашка направилась туда в надежде, что там есть кто-то из её знакомых.

Удача её не подвела: здесь были Кир и Сумчик. Забившись в угол, эти двое над чем-то склонились и явно не ожидали, что кто-то к ним присоединится.

– О, кто это к нам пожаловал, – вместо приветствия сказал Кир, и голос его эхом разнёсся под сводами заброшки. – Лысяя уроки прогуливает. Нехорошо!

Кир учился на первом курсе местного ПТУ, ростом был чуть повыше Пашки, тоже бритый, с еле заметным беленьким шрамом на виске. Косил от армии, как мог, но все вокруг поговаривали, что ему недолго осталось. Сидящий рядом с ним Сумчик был молчуном: никто толком не знал, где он учится, где живёт, чем занимается, известно было только его настоящее имя – Прохор Сумин. Его ни разу не видели ни в каких других компаниях, а тусовался он только с ними, так что Сумчику верили, как своему. Кроме того, он неплохо разбирался в электронике – один раз даже починил чей-то компьютер. Впрочем, это были только слухи.

– А вы что тут делаете? – спросила Пашка, снимая наушники и подходя к ним. Впрочем, она и сама увидела, что: эти двое развели небольшой костёр, над которым соорудили из валяю-

щихся повсюду металлических прутьев перекладину; на неё повесили какую-то каску, в которой сейчас булькала вода: там закипал «Доширак».

– Жрать готовим, – коротко ответил Кир. – На троих маловато будет, так что извини.

– Забей, – махнула рукой Пашка, скидывая с плеча сумку. – Я и сама-то не очень хочу.

– А чё школу прогуливаешь? – Кир чем-то помешивал варево в каске, и это поубавило и так небольшой желание Пашки есть оттуда что-либо. – Наругают ведь нашу отличницу.

– Пошёл ты, – ухмыльнулась Лысяя. – Меня Бобых опять попёрла. Карга старая.

– Уууу, – Кир покачал головой. – Сурьёзно. Ну чё, Сумчик, есть идёшь?

Вместо ответа Сумчик показал Киру приготовленную пластиковую вилку, которую он для порядка даже протёр, предварительно на неё поплевав.

– Приятного, – поморщилась Пашка, наблюдая за скромной трапезой. – А где воду-то достали?

– Сумчик с колонки принёс.

Пока они молчаливо ели, Пашка уселась прямо на пол и задумчиво посмотрела на щель в крыше, сквозь которую была видна качающаяся от ветра листва, да небольшой кусочек синего неба. Кое-где на другом конце зала сквозь стены проникали и солнечные лучи, в которых была видна летающая пыль. Что и говорить, здесь было куда лучше, чем в школе, и о своей выходке Пашка нисколько не жалела.

– Лысяя, есть сижки? – спросил Кир, видимо, наевшись. Лысяя покачала головой: курила она редко, но иногда специально носила с собой полную пачку, чтобы угостить друзей. Как ни странно, родители так её ни разу и не обнаружили – возможно, именно потому что Пашка не очень-то старалась прятать.

– Последнюю бомжу отдала.

– Это какому? Пальчу?

– Ему, да. Сегодня иду мимо, а он Вольтера читает. На свалке, говорит, нашёл. Ну и попросил сигу.

– Жесть, – едва ли Кир знал, о чём говорит Пашка, но сделал вид, что всё понял. Встал с корточек, отряхнулся, потянул руки. Выдал что-то вроде «курить охота», а затем сказал:

– Гоу, народ, до Полтинника.

– Что ты там забыл? – спросила Пашка, вставая и поднимая за собой сумку. – На Клоунов давно не нарывался?

– Да пошли они, – махнул рукой Кир, поморщившись. – К Серёге заскочим. Он мне ещё с прошлой недели косарь должен.

«Полтинником» назывался не самый благополучный район в городе, куда Пашка с компанией изредка наведывались. Там заправляли ребята, называющие себя «Клоунами». Те, кому не повезло нарываться на них, никогда больше не смеялись над странным названием – оно их скорее бросало в дрожь. Среди «Клоунов» были оч-чень «весёлые» ребята, которые любили очень плохие шутки. Пашка их не боялась, потому что никогда не ходила в тот район одна, однако знала, что, как ни иронично, шутить с «Клоунами» не стоило.

2

Серёга Карбышев жил холостяком в прокуренной до самых обоев однушке, и зачастую являлся основной причиной посещения ими Полтинника. Работал Серёга в автосервисе, в режиме «два через два», и Пашке он в каком-то смысле даже нравился. Не внешне, потому что Лысяя по себе знала, что судить людей по морде лица – себе дороже. Но Серёга привлекал – и одновременно настораживал – какой-то своей внутренней непринуждённостью, тем, что ни к чему будто бы не был привязан: мог спокойно отказаться идти, когда его куда-то звали, если он не хотел, и хоть пол под ним тресни, Серёге было всё равно. Работу менял одну за другой, и, что удивительно, никогда не знал проблем с поиском новой. Гостям никогда не отказывал, даже если среди них были новые лица, и варил просто до невероятия крепкий – но вкусный! – кофе. Эта Серёгина черта характера – неприкаянность, почти что легкомысленная беспристрастность ко всему – одновременно и притягивала, и заставляла держать с ним ухо остро. Поэтому Пашке он нравился, но она понимала, что они точно никогда не станут крепкими друзьями. С кем, с кем – но только не с этим человеком, спокойно дрейфующим между всеми берегами разом, но ни к одному не привязанным.

В этот день он был дома, и небольшую компанию принял к себе без лишних вопросов. Поставив чайник, он взял с холодильника пачку сигарет и сразу протянул одну Киру – как будто знал, чего тому не хватает.

– Благодарствую, – шуточно ответил тот, закуривая. Кухню тут же наполнил сероватый прозрачный дым.

Серёга молча оглядел своих гостей и вдруг спросил:

– Лысяя, поранилась?

Это он про пластырь на виске. Пашка поморщилась, притронувшись к нему пальцами.

– Татуху набила.

– Нихера, – уважительно сказал Кир. – А чё набила? Покежь.

– Болит, зараза. Завтра покажу.

– А что набила-то? – повторил вопрос Кира Серёга.

Пашка хмуρο посмотрела на него.

– Не скажу. Потом сам узнаешь.

Серёга не стал спорить, сделав ещё одну затяжку. Что-то вспомнил, сунул руку в карман и достал мятую купюру.

– Возвращаю.

– Во-от это по-нашему, – сквозь зубы с сигаретой сказал Кир, забирая долг. – А чё, не работаешь сегодня?

– Завтра выхожу, – в голосе Серёги читалась ленивая расслабленность, как будто он уже курнул травы до их прихода. А он мог: один раз, когда они к нему пришли, по всей комнате растянулся сладковатый, обволакивающий сознание дым, а сам Серёга клятвенно заверял всех присутствующих, что посреди комнаты сидит енот и не даёт ему пройти. Куда именно пройти – было неясно, хотя бы потому что Серёга в тот момент вообще никуда не шёл. – Денег опять нет ни хера. Ребят, вы бухать не собираетесь, не?..

Разговор продолжался в той же ленивой манере. Пашка, иногда вставляющая в диалог свои пять копеек, иногда странно поглядывала на Серёгу, стоящего спиной к окну и опёршегося на подоконник копчиком. Вроде почти взрослый мужик – за двадцатку точно. Вроде и работает, и друзья есть, и деньги, и квартира – а иногда смотрит вокруг себя так, будто вообще не знает, что он здесь делает. Растерянно и странно. Пашка не собиралась его ни о чём спрашивать – неприято было лезть в чужую жизнь, неправильно. Да и Серёга наверняка ничего не скажет, только отшутится.

«Если подумать, у Кира тоже бывают такие глаза, но гораздо реже. Меня что, тоже это ждёт?..»

Мысли о собственном будущем, которые так усердно вдалбливали ей взрослые, Пашка отгоняла от себя вшивой метлой. Она знала, что поступит после школы в какой-нибудь вуз, и знала, что если там будет то же самое, что в школе, то ходить на лекции она не станет вовсе. Уж тем более, если поступит на бюджет, а Пашка знала, что поступит. Она не понимала своих знакомых, которые умудрились попасть на бесплатные места, и при этом ещё и на пары ходят. Вам что, в жизни совсем заняться нечем?

А вот что ждало её дальше, за универом – было неизвестно. Поэтому Лысяя предпочитала и не думать о том, что с ней станет через пять, через десять, двадцать лет. Не всё ли равно, если пока что рядом есть Кир, Сумчик, Говнар, Лизок, Простынь, да пусть и Серёга, и где-то там, далеко, но всё-таки есть Марья. Пока все они рядом, живы и здоровы – пусть хоть мир треснет.

...С улицы раздался какой-то визг. Серёга, опустив сигарету в пепельницу под рукой, обернулся и усмехнулся.

– Опять кота нашли.

Встав с места, Пашка подошла и глянула в окно вниз. Во дворе трое ребят держали за лапы белого с чёрными пятнами кота – он и издавал визги, слышимые на всю округу.

– Вот пидоры, – бросила Пашка.

Развернулась и побежала к выходу.

– Э, Лысяя, стой! – крикнули ей вслед. – Это же Клоуны!!!

Выбегающей из квартиры Пашке было уже всё равно. На бегу она схватила очень кстати примостившуюся в углу около входа тяжёлую битку: Серёга был ленивым и безобидным лишь на первый взгляд, но когда надо, постоять за себя умел.

Лысяя не собиралась предупреждать парней о своём приближении: молча подбежав к ним, она замахнулась битой. После крепкого удара по черепушке что-то хрустнуло: раздался короткий вскрик и гопник рухнул на колени, взыв. Увидев Пашку, двое других «спортсменов» изумлённо на неё уставились, выпустив кота. Изящно переступив через повалившегося на землю парня, Пашка замахнулась ещё раз.

– Э, слы... – он не договорил: бита со страшным хрустом врезалась ему в лицо, сломав, кажется, не только нос. Третий бездумно схватил Пашку сзади, но та ловко попала ему тяжёлым каблуком по причиндалам. Пришлось врезать ещё несколько раз, чтобы он отстал окончательно. Несчастный рухнул на колени: отбито было всё, что можно, и что нельзя.

Парень с разбитым в мясо лицом с диким криком кинулся на неё, но уже не разбирал, что делает. Замахнувшись ещё раз, Лысяя снова врезала ему по лицу. Бита ударила в висок с такой силой, что, рухнув наземь, спортсмен, должно быть, уже потерял желание подниматься.

– Лысяя, ты чё, ёбнулась?! – возмущённо прокричал Кир, выбегая из подъезда.

Не слушая его крики, Пашка склонилась над котом, у которого были страшно вывернуты передние лапы – из-за этого он и не убежал. Аккуратно подняв его, Пашка положила кота на руки.

– Надо к ветеринару какому-нибудь, – сказала она голосом, не принимающим обсуждений. – Погнали, у Серёги спросим.

– Лысяя, ты охренела?! – уже тише спросил, кажется, напуганный Кир, глядя на валяющихся на земле спортсменов. – Это же Клоуны!

– Кир, мне уже похер, кто они были, честно! Они пидорасы, которые над животным издевались!

– А мне вот не похер! Тебе хавальник набьют после этого, не посмотрят, что баба!

Пашку разбирала злость: и на ублюдков, и на Кира, но она решила ничего не говорить. Спорить сейчас – себе дороже.

Неизвестно, из-за чего отклеился уголок пластыря на её виске, но Лысяя, одной рукой придерживая раненного кота, со злости сдёрнула его, выбросив прочь. Кожу обожгло болью, но Пашка зло поклялась сама себе, что больше до самого конца не заклеит татуировку, несмотря на все предостережения мастера, пусть хоть кровью истечёт.

Буквы на виске пылали медленно утихающей резкой болью так, что слова, аккуратно вписанные в прямоугольник, напоминающий штрих-код, почти что доставали до мозга – так, по крайней мере, казалось Лысой.

Татуировка гласила:

STAYAWAY

3

Повезло, что ветеринарная клиника находилась практически через дорогу. Доктор, выглядящий так, будто улыбаться для него было физически больно, примерно за час вправил коту изуродованные передние лапы, сказав, что какое-то время животное ходить не сможет, и его нужно будет кормить, и убирать за ним соответственно. Серёга, и так заплативший за лечение, поспешно открестился, сказав, что не собирается заботиться о коте, а из Кира хозяин для больного животного был, как из Лысой балерина. Делать было нечего, и Пашка решила взять его себе. Придётся переть домой, ничего не поделаешь — с котом на руках особо не погуляешь. Так что Лысая, попрощавшись с друзьями и поблагодарив Серёгу, вместе с котом отправилась домой, на Рудный.

Кот с перевязанными лапами, должно быть, до сих пор отходил от наркоза, кучерявые облака в небе нисколько не мешали дню быть солнечным, в наушниках играла песня одной из любимых групп, и даже бешеная злость, ещё недавно готовая сожрать Пашку с потрохами, отступила — жизнь потихоньку налаживалась. Напевая себе под нос на плохом английском, Лысая то балансировала на поребрике, то принималась пинать какой-то камешек, попавший под ноги, и при этом старалась излишне не тревожить кота, который, если не присматриваться, был немного похож на кролика.

«А пусть будет Заяц», – легко решила она, перескакивая с одной белой полосы на другую.

«Danger, danger, baby,

All of us

Every second in the danger...» – таким был незамысловатый текст песни. Смысл такой себе, зато ритм для быстрой ходьбы подходящий.

Слова Кира про Клоунов изредка царапали её мысли, мешая хорошему настроению восстанавливать нервные клетки. Пашка убеждала себя, что просто не станет ходить в Полтинник одна, а если и придётся – то пусть кто попробует что-то ей сделать, зубов потом не пересчитает. К тому же, ребята из компании никогда Лысую одну не бросят. Инциденты уже были...

От Полтинника, который, на самом деле, был достаточно отдалённым районом по сравнению с другими, до дома Пашки можно было добраться неспешным шагом примерно за полчаса. И та успешно преодолела половину пути, когда на одной из малолюдных пешеходных зебр затихающую музыку в наушниках Лысой разорвал громкий скрип тормозов. Мгновенно среагировав, Пашка рванулась вперёд. Сердце ухнуло в пятки: на том месте, где она только что стояла, затормозила новенькая, насколько это вообще было возможно, «девятка». Из окна высунулся относительно молодой – может, чуть постарше Кира – человек с аккуратной короткой стрижкой, в квадратных очках.

«Как у программиста», – подумала Пашка.

– Взрослая девушка, а на дорогу не смотрите, – не зло, а скорее, с издёвкой ухмыльнулся человек. До Пашки наконец дошло, что только что её чуть не сбили, и злоба вспыхнула с новой силой.

– Иди в пень, мудака очкастый! – крикнула она. – Права купил, а мозги нет?! Тут переход, мать твою! Какого хрена творишь?!

– Я-то виноват, не затормозил, – скромно улыбнулся человек. – Но и тебе следовало смотреть по сторонам, в школе не учили?

– Слушай, хавальник завали, а?! Были бы руки свободны, ты бы у меня уже кровью харкал, умник!

Машина тронулась с места вперёд. Пашка хотела, было, крикнуть вслед что-нибудь обидное, однако человек не уехал, а просто освободил пешеходный переход. Затем вышел

из машины, аккуратно прикрыв дверь. «Программист» был высокий, довольно худощавый – наверное, даже Сумчик был шире его в плечах. Он подошёл вплотную к Пашке, сказав:

– Повтори.

К Лысой не нужно было лезть за словом в карман, и если этот придурок подумал, что, выйдя из машины, он её напугает, то серьёзно просчитался. Набрав побольше воздуха в грудь, Пашка разразилась громким – на всю улицу! – потоком настолько отборного мата, что, если бы крепость выражений измерялась в метрах в секунду – наглеца бы давно сдуло с места. Казалось, даже Заяц на руках стал отходить от наркоза немного активнее. Пашка умудрилась задеть и его самого, и его родословную, и его машину, и замахнулась, было, на его отца, когда хлёткая и сильная пощёчина привела её в чувство.

Человек, казалось, и мускулом не шевельнул – но было больно. Пашка с изумлением смотрела на него, а затем злость разобрала её окончательно. Сжав кота на руках крепче, она хотела пнуть «программиста» в промежность, как недавно сделала с издевавшимся над котом Клоуном, но тот как-то развернулся и поймал её ногу. Хватка была крепкой – Пашка поняла, что находится в опасном положении. Пыталась выдернуть ногу, но тщетно: человек держал её, кажется, даже не напрягаясь.

– А ну отпусти, сука! – крикнула она угрожающе. В таком положении приходилось ещё и контролировать руки, чтобы не сжимать кота слишком сильно. Он, впрочем, уже испытывал, должно быть, некоторые неудобства.

– Извинись, тогда отпущу.

– Пошёл ты.

В следующий момент из-за короткого рывка Лысяя потеряла равновесие и ударилась о каменную кладку затылком. Упала на спину: Заяц был в безопасности. Из глаз брызнули слёзы боли – гравитация не пощадила бритый череп.

– На хер иди, мудака!!! – крикнула она в спину уходящему человеку. – Сука! Падаль ты гнойная!..

Но тот больше не оборачивался: сел в машину, окинул лежащую на земле Пашку прощальным взглядом, закрыл стекло и поехал прочь. Напоследок – наверняка в качестве унижения – даже издал короткую серию гудков, от чего Пашка только ещё больше разозлилась.

Всю дорогу до дома она думала: если ещё раз повезёт встретить эту сволочь, уже со свободными руками – то я не успокоюсь, пока не отмудохаю его хорошенько.

Голова сильно ныла.

Пашка не знала, в какой момент она стала такой: внутри неё словно помещались огромные запасы сжатого газа, от единой искры способные вспыхнуть ярким пламенем, и пламя это было её яростью. Злоба, выжигающая Лысую изнутри, вспыхивала за секунды – и за секунды исчезала, как не было, а вот последствия, к сожалению, никуда не девались. Пока что это не приносило особого вреда, а потому Пашка не особо беспокоилась о том, чтобы найти способ эту злобу сдерживать. Но она понимала, что однажды это может сыграть с ней злую шутку.

– Ну чё, Заяц, всё нормально? – спросила она, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, хотя лицо «программиста» то и дело всплывало в сознании. – Ну и хорошо. Скоро придём, я тебя накормлю чем-нибудь. Недолго осталось. Больше тебя никто не обидит.

Около дома она неожиданно встретила присевшего на лавочку Дмитрия Палыча – того самого бомжа, который сегодня стрельнул у неё последнюю сигарету. Одетый в свою вечную зелёную пыльную куртку необъятных размеров (удивительно, как ему в ней не жарко таким погожим днём), Палыч не заметил подошедшей Пашки: он держал в руках раскрытую потрёпанную книгу и говорил стоящему перед ним голубю, чё, мол, докопался, увалень.

Злоба на неизвестного мудака как-то сразу отошла на второй план: Пашка была не из тех, кто срывает на невинных своё плохое настроение. К тому же, Палыч всегда был к ней добр, так что она попыталась быть приветливой.

– Всё сидишь, Палыч?

В этом дворе она была одной из немногих, кто общался с ним, и при этом не обладал внушительными синяками под глазами и заплетающимся языком. Плевать, что Палыч имел привычку разговаривать с голубями. У каждого, считала Пашка, свои птицы в голове... просто некоторые зачастую путают их с тараканами. Это, кстати, было её основное жизненное кредо, и когда Лыся встречала человека со странностями, она мысленно для себя произносила: у каждого свои птицы в голове. Возможно, это звучало слишком романтично и ванильно – но самой Пашке нравилось.

– Приветствую, – ответил Палыч, поднимая в салюте широкую ладонь. – Вот, беседуем.

– Я уж вижу. Чё, Вольтера-то дочитал?

– Про Задига дочитываю, – радостно улыбнулся Палыч ртом, в котором не доставало нескольких зубов. «Само очарование», – подумала Пашка не то, чтобы всерьёз, но и без неприязни.

– А я вот кота домой несу, – сказала она, показав божу спящего на руках Зайца. – Какие-то уроды ему лапы поломали.

Палыч покивал.

– А ить знаешь, если бы не поломали, – сказал он с заметной ноткой почти что мудрого ехидства, – то ты б его и не подобрала.

– Ты это к чему? – удивилась Пашка, подняв брови.

Палыч вместо ответа похлопал по странице книги, которую держал в руках.

– Всё к лучшему, пишет вот... мужик...

– Аааа.

Кажется, Палыч всерьёз проникся Вольтером и его жизненными взглядами. Пашка ухмыльнулась.

– Ну молодец.

Краем глаза она заметила идущих в нескольких метрах от них троих одноклассниц. Все в красивых глаженных юбочках и рубашках, с шикарными волосами, распущенными или заплетёнными в хвостики; двое из них посматривали на Пашку с ехидными усмешками (школу прогуливает и с божками общается), а третья уткнулась в телефон, не разбирая перед собой дороги. Недолго думая, Пашка выбросила вверх руку с вытянутым вверх средним пальцем, единым жестом адресуя в сторону одноклассниц всё, что о них думает. Те прыснули и скрылись за углом.

Палыч, кажется, ничего не заметил: вернулся к голубю, который уже взлетел на скамейку, с интересом покачивая шейю.

– Ладно... Пойду я, – вздохнула Пашка невесело. – Давай, Палыч, общайтесь тут.

– Лечи давай своего кота, – прочамкал ей вслед бож, а потом зачем-то процитировал: – «Всё к лучшему в этом лучшем из миров»...

Палыч появился у них на районе ещё давно, когда Пашка была совсем маленькой. Он возник будто бы из ниоткуда, пытался торговать какой-то самодельной одеждой, соорудив себе из досок стойку и крышу над головой. Несколько раз из-за визитов полицейских перебирался с места на место, пока однажды при таинственных обстоятельствах не лишился всего товара разом. С тех пор сделался божом и обитал по району, появляясь то тут, то там. Где-то находил денег на еду, но на порядочное жильё денег собрать не мог, а к себе никто не брал. Даже в автобусы его не пускали из-за внешнего вида: кондуктора чуть ли не с презрением выгоняли его из салонов, и часто торопили водителей, чтобы те побыстрее захлопнули двери, когда он подходил. Так Палыч и обретался на улицах, постепенно спился вместе с другими божками,

ходил, собирал бутылки, стрелял сигареты у прохожих, и разговаривал с голубями. Пашка прекрасно помнила, как в детстве она однажды спросила у матери:

– Ма-ам, а почему дяденька только с голубями разговаривает, а с людьми нет?

– Так люди его обижают. Вот он голубям и жалуется, – пожала та плечами, и в тот момент Пашке стало очень жаль Палыча. Правда, в тот момент она ещё не знала, как его зовут. С тех пор она старалась, насколько это было возможно, быть к нему добрее: один раз, когда никто не видел, купила ему бутерброд из автомата в ближайшем ДК.

Палыч улыбнулся и поблагодарил.

Пашка точно знала, что родители не разделяли бы её желания быть добрее к бездомному, как не разделяли очень многих её желаний. Так, например, когда она сказала, что хочет стать актрисой, ей ответили железным «нет»: пришлось передумать и утаить желание в себе.

«Странно это, – думала Пашка иногда. – Нам так часто вдалбливают в головы, чтобы мы были добрее к ближним, на уровне школы, кино, мультфильмов, книг, воспитания, каких-то чудесных примеров, однако бомжи, да и просто те, кто нам не нравятся, будто бы исключаются из этой системы ценностей. Ты выходишь на улицу, видишь отношение к ним и подсознательно переписываешь уже принятое тобой правило, чтобы оно звучало как „будь добр к ближнему, если он моется хотя бы раз в несколько дней“. А потом это переносится на курьеров, официантов, студентов, рабочих, и постепенно человек решает, что должен быть добр к тому, кто равен ему или же выше его – а собственную планку он в этот момент уже задирает гораздо выше собственного подбородка...»

4

Дома никого не было.

Стоило Пашке открыть дверь, как Ладан, большой мохнатый пёс нежно-коричневого окраса, начал радостно прыгать на задних лапах, радуясь, что хоть кто-то украсил его день. Кота на руках хозяйки он тоже заметил, и стал прыгать усерднее, чтобы задеть его носом. Ладан так искренне ей радовался, что все плохие мысли разом сошли на нет: Пашке тут же захотелось всё бросить и затискать пса в объятиях, пусть даже после этого она вся будет в его шерсти. Но сейчас были дела поважнее: разувшись и заперев за собой дверь, она поспешно прошла в комнату, бережно неся на руках Зайца. Ладан радостно побежал за ней, стуча по паркету лапами, как гигантский хомяк.

Ладан был очень умный пёс, а потому Пашка не боялась, что он обидит раненного Зайца. Ветеринар сказал положить кота так, чтобы нос был открыт, иначе тот мог задохнуться после наркоза, и Лысая последовала его совету: положила несчастного кота на собственную (заправленную, конечно же, не ей) кровать, погладила и оставила отходить. Ладан тут же стал серьёзным: сел на пол, морду положил на кровать и принялся смотреть на зверушку, которую принесла его хозяйка. А та тем временем наконец-то освободила руки и царственным взглядом оглядела собственные – небольшие, пока что – владения.

Комната её действительно была небольшой, зато максимально уютной и, как она сама всегда себе говорила, максимально *пашкинской*. В комнате Лысой, прямо как в старой дурной загадке, было два стула. Один из них был погребён под одеждой, никогда не встречавшейся со шкафом, а второй стоял возле компьютера. Позади и над плохоньким чёрным монитором висела пожелтевшая от старости, и от того особенно любимая Лысой, мореходная карта, доставшаяся их семье от какого-то далёкого предка. Конечно, это могла быть просто подделка – но, стоит признать, что весьма искусно сделанная и, что называется, атмосферная. По краям от карты висели наспех сплетённые «ловцы снов» да всяческие бумажные заметки: изредка Пашка искала места для подработки. Жаль работодатели в последнее время были привередливые, и говорили, что лысые девушки им не подходят.

Стол из чёрного – когда-то – дерева был завален тетрадами и учебниками, что скорее просто создавало видимость, что Пашка усердно учится, чем было тому свидетельством. Клавиатура покрылась пылью и крошками, а урна под столом была уже переполнена: пора было выносить мусор. Всюду по комнате валялась одежда: Пашка удивлялась порой, как её может быть так много, если половину она вообще не носит.

Только сейчас она почувствовала, как гудит у неё голова. И не только от жёсткого удара о брусчатку затылком, да от еле заметного жжения татуировки: Пашка всё чаще замечала, что после школы голова начинает болеть от напряжения, поэтому изредка на последние уроки забивала. Тяжело выдохнув, она переделась в домашнее, села на колени рядом с Ладаном, до сих пор сторожившим Зайца, и уткнулась лицом в его шерсть. Плевать, что негигиенично, зато успокаивает. Пёс понимающе засопел, и Пашка хорошенько его обняла, прижав к себе. Затем забралась на кровать, стараясь не потревожить Зайца, уткнулась носом в стену и, закрыв глаза, уснула.

Ей снилось, как она шагает по краю какой-то крыши, и по левую руку далеко внизу – оживлённый проспект. Над городом висит ночь, тёмные голубые облака бегут по небу с какой-то сюрреалистической скоростью, а впереди, в нескольких метрах от неё стоит Марья. Пашка на мгновение радуется: сколько они не виделись – а она нисколько не изменилась! И ускоряет шаг, хотя делать это опасно. И страшно упасть, и хочется поскорее дойти до неё.

Марья одета в свою белую лёгкую ветровку да старые джинсы. У неё густые тёмные, вьющиеся волосы до плеч, круглое улыбочное лицо и почти что детские глаза. Такой Пашка её помнит. Но сейчас Марья не улыбается: смотрит куда-то перед собой пустыми глазами.

До неё остаётся совсем чуть-чуть, и Пашка начинает напевать их с ней любимую песню из детского мультика. Будто бы со стороны слышит свой голос. Она никогда не умела петь, но сейчас у неё получается на удивление хорошо.

Марья поворачивает голову и смотрит на неё недобро.

– Ну чё, Лысая? – спрашивает она не своим голосом, и Пашку пробирает дрожь. Марья хватается её за ногу, точно как тот незнакомец сегодня, и рывком сбрасывает с крыши. Пашка летит вниз, чувствуя, как неотвратно падает...

Пашка резко выдохнула, открыв глаза. Осознала, что это был сон, и что рядом по-прежнему лежит Заяц: открыл глаза и смотрит перед собой. Глаза у него были ясно-голубые с чёрными крапинками. И как вообще можно обижать это чудо?

Сон не отпускал, наваливаясь неприятной тяжестью. Напомнили о себе и синяк, и татуировка. Лысая поморщилась, приходя в себя, и потёрла глаза. Потянулась за телефоном в кармане. Почти семь! Вот чего стоит сбитый в хлам режим.

С кухни доносились звуки готовки: мать, видимо, вернулась. Что ж, разборки по поводу татуировки и принесённого домой кота были неотвратимы. Интересно, в каком сейчас мать настроении, подумала Пашка, лёжа на спине.

Нет, в таком состоянии объясняться с ней точно не стоит. Лысая сейчас не в состоянии была подобрать нужных слов, чтобы пояснить все свои косяки, вместе взятые, да ещё и выбирать выражения в разговоре с матерью. В целом они с ней были в неплохих отношениях, однако иногда между ними будто пробежала кошка и ссора могла вспыхнуть из-за чего угодно, а инициатором зачастую могли быть обе стороны. Отец старался соблюдать нейтралитет в этих войнах, однако волей-неволей придерживался точки зрения матери – и очень часто это создавало существенный перевес в родительскую сторону.

Пашка тяжело вздохнула, погладив Зайца. Тот что-то ей мрлыкнул – именно такое слово она когда-то давно придумала для кошек. То есть, мурлыкать или мурчать – это издавать долгий, приятный и тихий урчащий звук, но иногда кошки просто открывают рот и издают короткое и удовлетворительное «мрл», и замолкают.

– Оживаешь потихоньку, – сказала коту Лысая. – Какое-то время придётся тебе полежать... Я спрошу у Кира, может, ходунки какие есть. Хотя денег, наверно, стоят.

Зевнув, Пашка поднялась. Почувствовала, что к разговору с матерью в данный момент точно не готова, и включила компьютер.

Сетевой общий диалог с идиотским названием «10ATHEBEST» снова насчитывал около сотни непрочитанных сообщений, в суть которых Пашка даже не пыталась вникнуть, а вот её почта по-прежнему была пуста. Письмо от Марьи так и не пришло – но Лысая всё равно каждый вечер надеялась его увидеть, открывая почтовый ящик.

Она написала Киру, который был в сети: спросила про ходунки или что-то вроде этого. Недолгие поиски дали свои плоды: ходунки для передних лап выглядели как небольшой бандаж с двумя колёсами под размер животного. Можно было, конечно, купить, но что-то подсказывало Пашке, что среди её знакомых точно найдутся те, кто сможет сделать такую «коляску» собственноручно – и совершенно бесплатно...

Дверь в комнату открылась, Пашка заметила это краем глаза. На пороге возникла мать: среднего возраста женщина с хорошо сохранившейся фигурой, дома всегда предпочитавшая носить футболку да лёгкие рваные джинсы – броская мода времён её юности, которая наверняка когда-то добавила пару седых волос её родителям.

Она опёрлась плечом на дверь и скрестила руки: прекрасно знала, что Пашка её видит.

- Ну и как это называется? – спросила она тихо. С таких голосов всегда начинались бури. Пашка медленно повернулась к ней: пока что она не должна была заметить...
- Где ты взяла деньги на тату? – ледяным голосом спросила мать.
- «Главное – держать себя спокойно».
- Мастер – мой друг, – сказала Пашка прямо и честно. – Это для него практика.
- Больше ничего не придумала?! – голос пошёл на повышение. – Ты знаешь, как это вредно для кожи?! Ты ещё недостаточно себя изуродовала?!
Кольнуло обидой – но Пашка стерпела, стиснув зубы.
- Mam, я бы не стала, если бы мне это не нравилось.
- А тебе разонравится! Ты понимаешь, что её больше не смыть?! И что вообще надпись значит?! – мать явно несло вперёд. – Паш, ты была такая красивая, ну *зачем* тебе это было нужно?! Ну ладно, побрилась – волосы отрастут, но татуировка это же на всю жизнь!!!
- Я сделала это, потому что мне. Так. Хочется.
- Мне тоже много что хочется!!! Давай я тоже побреюсь налысо! Это, – она указала на лежащего на кровати Зайца, – что такое?!
– Это кот, мам, ему какие-то сволочи...
– Повыражайся ещё при матери!
– ...лапы переломали, он сейчас ходить не сможет...
– И что?! Теперь любую шавку домой тащить?! Я его выкидываю, – решительно сказала она, подходя к коту.
- Секунды не прошло – Пашка взлетела, встав между матерью и Зайцем.
- Mam, не надо, он ходить не может!
- Отдавай его в приют, я за ним дерьмо убирать не собираюсь! Ты за псом этим ухаживать не в состоянии, а ещё всяких вшивых...
- ХВАТИТ!!! – зло выкрикнула Пашка, топнув ногой так сильно, что люстра задрожала. Наступила звенящая тишина. Обида накалилась до предела. Ладно она, злобу матери на тату Лыся ещё могла понять, но несчастный Заяц был совершенно не при чём, и отдавать его в приют, где на лечение и заботу обычно клали гигантский болт, она точно не хотела. Как не хотела и доводить до слёз мать – которая, кажется, была к тому близка.
- Mam, – тихо сказала Пашка в спину. – Mam, извини. Я не хотела.
- Чтобы к вечеру кота здесь не было, – дрожащим голосом произнесла мать перед тем, как оглушительно хлопнуть дверью.

Глава 2. Хорошая девочка

1

Над городом медленно сгущался прохладный вечер.

Пашка, сидящая на скамье около подъезда, закуталась в привычную кожанку, придержала Зайца, который, отойдя после наркоза, как и следовало ожидать, обмочил кровать, а затем стал негромко скулить – был голоден. Старательно избегая встреч с матерью, Пашка напоила его молоком, а затем, прихватив Зайца, исчезла из квартиры, оставаясь в которой не было никакого желания. Ладан был явно расстроен, наблюдая за всем происходящим: этот мудрый пёс очень не любил ссор.

– Ну тихо, – успокаивала кота, который мучительно старался куда-то двигаться, Лысая. – Тихо, Заяц. Лежи. Нельзя тебе ходить.

Домофон запищал, дверь открылась. На крыльцо вышагнула бабка: толстая, низкорослая, но спину держащая гордо, словно все вокруг были ей чем-то обязаны. Пашкина соседка снизу, Анна Константиновна Хрыч (да, именно такая у неё была фамилия) ненавидела Лысую, пожалуй, больше всех остальных. Дело в том, что когда Пашка только-только побрилась, простодушная Хрыч подумала, что девушка неизлечимо больна, и растрепала всем старухам, что, мол, помрёт деваха скоро. Шло время, померло несколько старух, а Лысая всё с этим не спешила. В конце концов пенсионерки плюнули, сказав Хрыч, что она всё напутала, и перестали ей верить.

Славно бы было, если бы этим всё закончилось, но «неизлечимую болезнь» сменила шизофрения. Кто-то – может, Хрыч, а может её таинственный последователь – распространил слух, что Пашка просто больная на голову, и из-за этого, мол, её побрили. Неизвестно, кто как к этому отнёсся, однако Хрыч эту информацию продвигала среди своих с особым остервенением. Было бы даже смешно, если бы со временем порядком не подзадолбало: старуха была не сумасшедшей, а очень даже в своём уме, и Лысую ненавидела всем сердцем. Стоило им где-то встретиться, как пенсионерка тут же недобро косилась, придиралась к любой мелочи, и ворчала, что, мол, пора тебя в психушку сдать, бешеная. И ничего не помогало: ни колкости, ни открытая грубость, ни едкая ирония, ни даже вежливые приветствия вообще ничего не меняли. Хрыч будто бы была запрограммирована ненавидеть Лысую, и ничего поделать с этим было нельзя.

– Опять ты тут сидишь, паршивка, – завела она привычную пластинку, хотя не так уж часто Пашка и сидела на этой скамейке. – Ещё и кота какого-то драного принесла, совсем сдуру сбрендила...

– И вам добрый вечер, Анна Константиновна, чтоб вы сдохли...

– Чаго ты сказала?!!

– Погода, говорю, хорошая... – отмахнулась Лысая невесело.

Что-то зло бормоча про былые годы, уважение к старшим и порку ремнём, Хрыч проковыляла мимо неё. Куда её, интересно, понесло? По телевизору в такое время обычно как раз все бабские сериалы...

– Куда ж тебя пристроить... – задумчиво проговорила она, погладив Зайца. Тот что-то снова мрлыкнул, подставив голову под её ладонь. – Может, Лизку...

Лиза Савичева, она же Лизок, носила также кличку Рыжая, однако Пашка называть её так отказывалась из принципа – можно понять, почему. Лизок была самой младшей среди них, как раз того возраста, когда родители и школа особенно усердно настаивают не ввязываться в плохие компании, а дети особенно усердно ввязываются. Лизок не была исключением:

по уши влюбившись в Кира – пока что безответно – она начала курить, носить броскую одежду, не имеющую никакого отношения к школьной форме, а на вписках выпивала, как не в себя. Всё это делалось, чтобы завладеть вниманием Кира, чтобы он признал её равной. Пашка видела все её усердные попытки невооружённым глазом, вот только сам Кир то ли умело игнорировал их, то ли до сих пор ничего не заметил.

Неизвестно, какие отношения у четырнадцатилетней Лизы были с родителями, но Пашка рискнула ей позвонить. Лизок взяла трубку, как обычно, помолчав секунды три. Для Лысой всегда оставалось загадкой, что же происходит в эти несколько мгновений тишины, между длинными гудками и её голосом.

– Привет, Паш, – Лизок была одной из немногих, кто её так называл. – Ты тоже идёшь?

– Куда? – не поняла Пашка.

– Ко мне... Тебя что, не позвали? У меня родачки свалили, Кир хотел прийти, Сумчик тоже. Говнарь не отвечает пока, но Кир сказал, он бухла всем купит...

– Хера себе! – в сердцах удивилась Пашка. – А меня чё не позвали-то?!

– Я не знаю... А ты что звонила-то?

– Ааа, точно... Слушай, Лизок, у меня тут котяра нарисовался. Послушный, хороший, один хер – лапы передние поломаны, пока всё срастётся, ходить сможет только на коляске. Ты не можешь его себе взять? У меня маман как с катушек слетела, говорит, не потерплю...

Лизок помолчала какое-то время, видимо, раздумывая.

– Паш, я взять не смогу, у меня мамка тоже строгая в этом плане. Но знаешь, ты можешь его бабке моей отнести. Сойдёт?

– Да, очень даже! – обрадовалась Пашка. – А что, бабка как, не очень старая? Ей не в тягость?

– Да не, не парься. Ей наоборот скучно одной, а кошек она любит. Дворовых постоянно подкармливает. Ну как тебе такое?

– Диктуй адрес, мы с Зайцем выезжаем.

...Перед тем, как повесить трубку, Лизок обещала позвонить бабке, Маргарите Семёновне, и предупредить её о визите, так что Пашка, придя к её дому и найдя нужный подъезд, спокойно позвонила в домофон. Электронный замок запищал без вопросов – кажется, бабка в этот вечер никого не ждала. Пашка уже собиралась войти, но навстречу ей вышел со сжатым в руках пакетом невысокий худой мальчик в белой футболке и шортах. Глаза из-под очков в чёрной оправе смотрели прямо и пронзительно, тут же кое-о-чём напомнив. Миновав его, Пашка сердито подумала: «Вот повезло же именно сейчас его встретить».

Пешком поднимаясь на пятый этаж сквозь прибранные, никем не расписанные лестничные пролёты, Лыся вспоминала недавние события: она и не подозревала, что встреченный ей мальчик живёт именно здесь.

Пару месяцев назад во дворе возле этого самого дома Кир и Сумчик «стопанули» школьника, попросив у него «позвонить» – время от времени они этим промышляли, продавая якобы потерянные телефоны за неплохие деньги. Телефона школьник, само собой, лишился, и на этом бы всё кончилось... Вот только оказалось, что у бедолаги был брат: тоже носящий очки, однако рослый, крепкий, как скала, занимающийся боксом. Решив вернуть братишке телефон, он с лёгкостью нашёл Кира с Сумчиком на том же месте и хорошенько поработал над их лицами. Телефон вернулся. Но Кир – натура мстительная, унижения он не забыл и однажды, вооружившись куском арматуры, подкараулил идущего домой боксёра; налетел сзади и хорошенько взгрел по затылку. И взгрел довольно сильно – соседский мужик нашёл парня, валяющегося в луже крови, и вызвал «скорую». Кир к тому времени уже успел смыться, так что никто ничего не видел. Об этом случае даже написала местная небольшая газетка: парень был госпитализирован в тяжёлом состоянии.

Лыся никогда особо не выступала против способов «досуга» Кира вроде отжимания у кого-то телефонов – пусть себе развлекается, как хочет, не её дела. Но в этом случае всё зашло слишком далеко, о чём она и высказалась при первой встрече.

– Да ладно, чё ты, – отмахнулся Кир мрачно. – Чё теперь поделаешь. Я не знал, что... так будет. Просто хотел пиздануть хорошенько, чтобы своё место, гнида, знал.

Вышедший из подъезда мальчик был похож на своего брата, фотографию которого так же публиковали в газете, как две капли воды, так что Лыся даже не сомневалась в их родстве. Душу тут же загрызли непонятные кошки, которых Пашка принялась стремительно отгонять: мне своих хватает, одну вон, бабке несусу.

«К тому же, я тут вообще не при чём, это всё Кир, – говорила она себе. – А он говорил, что не специально так сильно врезал. Да нормально всё с этим спортсменом, жить будет...»

Но на душе было беспокойно.

Звонок в квартиру бабки был как птичья трель. Пару раз нажав, Пашка оставила кнопку в покое. За дверью с древним, как СССР, почтовым ящиком раздались шаги.

– Кто там?

– Здравствуйте, это подруга Лизы, она должна была позвонить, – сказала Пашка как можно более дружелюбно, а про себя подумала: «лишь бы не оказалась как Хрыч».

...Бабушка открыла дверь. Перед Пашкой предстала очень симпатичная полноватая старушка с седыми кудрями, со смеющимися глазами за стёклами круглых очков, в светлой шали, накинутой на плечи, да домашнем платье.

– Здравствуй, – поздоровалась Маргарита Семёновна. – Ты Паша, да?

Она опустила глаза, посмотрев на Зайца.

– Ой кто это у нас тут такой хороший, – не задавая лишних вопросов, она аккуратно взяла его с рук Лысой к себе.

Некоторые люди, разговаривая с животными, любили сюсюкать, делая губы уточкой; другие же – и им Пашка отдавала своё молчаливое предпочтение – просто понижали голос, говоря ласково, как с ребёнком. Данная бабушка относилась к последним, так что Лыся поняла: Заяц точно попал в хорошие руки.

– Ну что у тебя с лапками-то, хороший?

– Его хулиганы мучили, – просто сказала Пашка. – Мы его к ветеринару сводили. Лапки заживут спустя время, но мне его родители держать запрещают... Извините, если что.

– Да ничего, – тепло улыбнулась бабушка. – Я позабочусь. Хорошая вы девушка, раз такое чудо спасли. Его зовут как-нибудь?

– Да, я... Ну, пока домой несла, назвала его Заяц. Пока что так.

– Зайчик! Ну вот и хорошо! – старушка так искренне обрадовалась, тиская кота, что Пашка даже немного растрогалась.

Немного помолчали: Лыся поняла, что пора уходить.

– Ну, всего доброго... Спасибо вам.

– Давай-давай, тебе тоже, милая, спасибо. Ты, я вижу, хорошая девочка, позаботься там о Лизоньке, хорошо?

Сердце Пашки ёкнуло – но та выдавила из себя подобие улыбки.

– Х-хорошо, конечно...

Улыбнувшись на прощание, бабушка закрыла дверь. Холодным эхом защёлкали замки. Лыся, сунув руки в карманы, стала спускаться, раздумывая, куда пойти дальше. Ответ пришёл сам собой: если ребята собираются вписаться у Лизка, то ей сам бог велел пойти и присоединиться к ним. Заодно и дома ночевать не придётся.

На выходе из подъезда она опять встретила того мальчика: он возвращался домой с полным пакетом продуктов. Когда он прошёл мимо, Пашка обернулась и посмотрела ему в спину.

Ей хотелось что-то сказать, хоть словом, хоть жестом извиниться за всё, что ему пришлось пережить, и во что она не вмешалась: не могла и не имела права.

– Пацан, – позвала она.

Парень молча обернулся. В свете подъездных ламп сверкнул очками.

Поняв, что должна хоть что-то сказать, Пашка поспешно выдала:

– Извини, ладно?

– За что? – не понял тот.

Осознав, что вышло очень глупо, Лыся махнула рукой, молча развернулась и вышла из подъезда.

2

Когда она добралась до девятиэтажки, где жила Лизок, уже порядочно стемнело. Отправив матери сообщение, что переночует у подруги, Пашка поспешно поставила телефон на беззвучный режим, предчувствуя, что возможны звонки с многочисленными протестами. Ничего, пусть отойдёт от их ссоры, а уже потом они поговорят, и Лысая «пояснит все за косяки».

Пашка позвонила в дверь, и Лизок очень скоро ей открыла: немного полноватая, одетая в чёрную футболку и рваные колготки, она обняла подругу, ещё не успевшую разуться.

– Проходи, там уже все. Говнарь пивка закупил.

– Эхаааа, здраароваа!!! – громогласно поприветствовала компанию Пашка, входя в светлую гостиную. Кир, Сумчик и Говнарь уже были здесь, только Простынь где-то задерживался. При беглом осмотре Пашка заметила пустую бутылку возле батареи: ребята времени зря не теряли.

– О, Лысая! – удивился Кир, приподнимая в её честь открытую бутылку. – А чё, я думал, ты кота там лечишь, все дела.

– Да куда там, – отмахнулась Пашка, потирая кулаки. – Мамаша выгнала к херам, посрались с ней. Я Лизкиной бабке его отдала, она у неё нормальная вроде.

– Ага, нормальная, – скривила лицо Лизок, появившаяся сзади: закрывала дверь. – Ты с ней не жила, заёбывает конкретно. Кошек любит, а людей терпеть не может...

«Я точно в верную квартиру позвонила?» – подумала Пашка, вспомнив доброжелательную старушку, принявшую к себе Зайца. Кроме того, её последние слова про заботу о Лизке... не было похоже, будто она действительно скрытый социопат.

– А чё, Простынь-то придёт, не? – спросил Кир у Говнаря.

Тот пожал плечами.

– Должен.

Говнарь и Простынь постоянно ходили вместе, и, несмотря на видимые сильные различия, хорошо между собой ладили. Лысая всегда удивлялась, почему этих двоих вообще тянуло друг к другу. Говнарь, он же Антон Чёрный, был широкоплечим и низкорослым, слегка полноватым подростком, пытался отращивать бороду, но пока что у него едва ли что-то выходило. Увлекался фотографией и выпивкой, много матерился, взгляды на многие вещи имел суровые. Если он про что-то не говорил «говно» – с этим можно было иметь дело (собственно, благодаря этому и родилась его неблагозвучная кличка). В то время как Простынь – он же Саня Простынёв – был полной его противоположностью: худой, высокий, вежливый, немного грустный, пока не выпьет, но всё равно свой. И эти двое были совершенно неразлучны! Очень часто они для вида сыпали друг на друга оскорблениями, однако это было что-то вроде игры в теннис: никто из них всерьёз не обижался, хотя не знающий человек мог бы подумать, что они серьёзно друг на друга злы. То, что Говнарь с Простынем неразлучны, было для всех здесь так же очевидно, как то, что небо сверху, а Пашка лысая.

Простынь явился через полчаса, запыхавшийся, но счастливый, что добрался. К его приходу Кир выпил достаточно для того, чтобы заплетался язык, но ещё не совсем достаточно, чтобы подкашивались ноги. Румянцем залилась и Лизок, да и Лысая заметила, что уж очень смешные у Говнаря порой шутки, даже если он не шутит совсем. Как бы то ни было, Простынь встретили с распостёртыми объятиями, и даже откупорили ему бутылку водки. Простынь хоть и казался хлюпиком, но пить всегда предпочитал из горла, из-за чего снискал немалое уважение Кира.

...В целом, эта ночь, склеенная потом Пашкой из обрывков воспоминаний, была довольно странной. Они спели пару песен под гитару (Лизок хорошо играла), случайно выломали задвижную дверь шкафа-купе, нарисовали член на лбу вырубившегося Кира, а когда он

проснулся, то стал с криками гоняться за Простынем по всей квартире, опрокинул кухонный стол и в конце концов запер его в шкафу. Лысяя хохотала вместе со всеми, когда Кир закинул сопротивляющегося Говнаря на спину, и, что-то матерясь в сторону Гарри Поттера, врезался в стену, кубарем повалившись на пол. Говнарь ругался вслед, причём ещё ядрёнее. А дальше – как в тумане. Пашка ничего не могла вспомнить.

В следующий момент они сидят на балконе, прижавшись спинами к стене, а плечами друг к другу. Лысяя понимает, что пришли вызванные соседями менты – больно громко они шумели. Сверху сквозь ветви клёнов светила луна, рядом были Кир и Говнарь, в квартире Лизок клятвенно заверяла полицейских, что всё хорошо и... и что могло быть лучше? Пашка блаженно улыбалась, но затем поняла, что вообще не помнит, что привело к тому, что они спрятались на балконе.

– О, коньяк есть, – прошептал Кир, показывая друзьям бутылку. – Лысяя, хочешь?

Пашка с удовольствием хлебнула. Коньяк был крепкий и вкусный. В голове – шаром покати, а на сердце так хорошо, как будто все беды разом ушли.

...Лицо щекотно: по нему елозят чьи-то пальцы. Лысяя, смеясь, ударяет кого-то наотмашь: а ну не лезь!..

Полуголый Кир, пьяный вдребезги, стоит с пустой бутылкой посреди тёмной комнаты.

– Друзья мои, – заплетающимся языком говорит он, и Пашка понимает, что надо выпить. Шарит в темноте, но ничего не находит, кроме руки Лизка – и, посмеиваясь, сжимает её. Рука горячая и мягкая. – Друзья... м-мои! Давайте выпьем, чтобы...

Он икает, и Лысяя от души смеётся: чёрт, как забавно он это делает! Смех вырывается из её груди, а Кир продолжает говорить свой незамысловатый тост:

– Давайте выпьем, чтобы нам... и дальше было... насрать!.. – еле договаривает Кир и разбивает бутылку об пол, ни капли не выпив. Всюду летят осколки.

– Мне насрать, что будет, пацаны и... и Лысяя, – говорит он, еле ворочая языком. – Потому что может быть, мы с... ик!.. – Лысяя опять смеётся, падая на спину. – Сдохнем мы может завтра! И мне! Похер! Похер!!! На всё!!! – кричит он так громко, словно старается перекрыть собственные мысли.

Лысяя смеётся так, будто никогда не слышала ничего смешнее этого незамысловатого подобия тоста, но чувствует, каким солёным и мокрым становится лицо. Даже нос закладывает. Она пытается ещё смеяться – не выходит, смех высох у неё на губах, темнота плывёт солёными каплями перед глазами, и Лысяя понимает, что плачет, но от чего – не понимает. Всё вокруг неё падает во тьму, и на самом краю, на последнем вздохе Пашка решает, что так даже лучше – потому что там, в темноте, нет ни слёз, ни боли, и она с радостью отдаётся этой тьме.

Пространства в ней нет, но откуда-то *сверху* доносятся чьи-то крики.

Пашка проснулась первой.

Она обнаружила себя у подножия дивана, окружённой каким-то диким хаосом разброшенной одежды и вещей. В горле сухо, голову слегка давит – но не более. Пашка понимает: похмелья, кажется, нет, или оно не наступило полностью. Вокруг неприятно пахнет.

Говнарь спал за диваном, обнимая бутылку из-под водки: Лысяя, не вставая, повернула голову и увидела его сквозь щель между диваном и полом.

Глаза слипались, но она поняла, что если и хочет спать, то точно не здесь. Поднялась на локти и сжала пальцы: что-то помешало. В руках у неё что-то делал смартфон Кира.

Что вообще произошло?

Она повела пальцем, разблокировав экран. Открылось какое-то фото: они пытались сделать групповой снимок, но, кажется, у кого-то изрядно тряслись руки. Пашка улыбнулась, глядя на одну из удачных попыток. В кадре были все; хоть пьяная физиономия Кира и не была

эталонном фотогеничности, но благодаря ей фото получалось... будто бы целостным. Сонно улыбаясь, Пашка стала листать дальше.

Вот Лизок, сидя на спинке дивана, играет на гитаре. Кажется, это была «Рюмка водки на столе»... или что-то из Цоя. Последнего Лизок очень любит. Вот они все зачем-то сгрудились в темноте, обнявшись – просто так, по хмельному наитию. Вот лицо искренне смеющегося Говнаря – поистине редкий кадр, нужно сохранять такое в архивы и показывать потомкам. Следующее фото – Простынь положил голову на колени Говнарю и, кажется, тоже смеётся.

Следующим шло видео. Заранее убавив звук до минимума, Пашка подумала, что в нём точно будет какое-то шоу – или короткая фраза «ой, я фото хотел», заканчивающая ролик. Но видео длилось минут десять, что и пробудило в Лысой немалое любопытство. Она начала смотреть.

На видео была Лизок: так же сидела на диване, но гитары уже не было. Она смеялась, а рука оператора тряслась. Дальше к ней подползли с обеих сторон Говнарь и Простынь, и начали то ли щекотать её, то ли ещё что-то. Лизок громко смеялась, пока не поняла, что её крепко держат за предплечья. Подошёл, судя по всему, Кир, кое-как расстегнувший ширинку.

Пашка не смогла смотреть долго: почувствовала, что её тошнит. Поставила видео на паузу, сделала глубокий вдох – и её вырвало на чью-то одежду.

– Что за... – прошептала она, хватаясь за голову, в которой роились сотни вопросов. Как это произошло? Почему она этому не помешала? Чей это такой знакомый голос смеялся за кадром, пока кричащую Лизу насиловали?

Кто всё это снимал?

Голова сильно загудела, но далеко не от выпитого алкоголя. Шёпотом выругавшись, Пашка трясущейся рукой нашла смартфон и поспешно удалила видео.

Осознание, что она сделала это, пришло к ней спустя несколько секунд, и Пашка поняла, что так в любом случае будет лучше. На всякий случай она ещё прошерстила галерею на предмет подобного материала – но все остальные фотографии были типичными пьяными снимками с разных вписок, и их Лысая не стала трогать.

Руки дрожали, сонливость как рукой сняло.

Поднявшись, она оглядела разрушенную гостиную и, стараясь не шуметь, нашла остальных ребят в разных частях квартиры. Кир спал, сидя за кухонным столом – совсем на него не похоже, обычно, напиваясь, он засыпал в более неподходящих местах. Простынь уснул возле унитаза: кажется, спиртное на его желудок подействовало плачевно. Лизок даже умудрилась дойти до своей комнаты, куда пьянка по каким-то причинам не добралась: там она спала под одеялом (!) в своей кровати, переодетая в пижаму. Как она в пьяном виде смогла даже додуматься до того, чтобы переодеться и залезть под одеяло – оставалось неясно. Кажется, несмотря на всё, где-то внутри ей всё же хотелось быть примерной девочкой. Или, может, это Кир всё подстроил? Но он же тоже был в стельку бухой.

«И... неужели... я всё это снимала на его телефон? – подумала Лысая с ужасом. – Это... Это же просто пиздец... Это её крики я слышала тогда? Почему я... ничего не сделала?».

От таких мыслей голова шла кругом.

Пашка пыталась себя успокоить, поспешно покидая квартиру и тихо прикрывая дверь. Есть шанс, что, проснувшись, ни Кир, ни Лизок не вспомнят, *что* было ночью. Но во-первых, Пашка это точно помнила, и знала, что снятое ей же видео на телефон Кира не было алкогольным бредом. И во-вторых, было ещё кое-что очевидное, что, если очень уж не повезёт, само собой вскроется со временем: Лизок могла и забеременеть. Шанс, конечно, был пятьдесят на пятьдесят, но, если это случится... Что будет тогда?

Было раннее утро, с травы на газоне ещё не успела сойти роса.

Выйдя из подъезда, Пашка вдохнула свежий воздух. Попыталась прогнать назойливые мысли из головы: я была пьяна, я не могла себя контролировать, это со всеми случается, я ничего не могла сделать. Стало ещё паршивее, когда в памяти всплыли слова Лизиной бабушки: позаботься, мол, о ней там. Вот и позаботилась, – подумала Лыся с ненавистью к самой себе. От осознания происходящего хотелось выцарапать глаза. Или хотя бы оставить шрамы поглубже – как у Джокера. Пьяный Кир изнасиловал Лизку, а она, Пашка, вместо того, чтобы помешать, снимала это на его же телефон, при этом ещё и хохотала. Как такое вообще могло произойти?!

Почувствовав, что к горлу подступает ком, но уже не от тошноты, а из-за отчаяния, Пашка достала собственный телефон: проверить время, посчитать количество пропущенных от матери и банально отвлечься – хотя бы на секунду.

Часы показывали 05:43. Четыре пропущенных и одно сообщение – от матери: «Надо поговорить». Вздыхнув, Пашка посмотрела на вызовы – и вытаращила глаза, чуть не поперхнувшись воздухом. Закрыла пальцами рот, чтобы не закричать: три пропущенных были от матери, однако в три часа ночи ей почему-то звонила Марья.

3

Даже в то время, когда они ещё были вместе, для того, чтобы Марья звонила Пашке, должно было произойти какое-то невероятное ЧП вроде землетрясения или чьего-то сердечного приступа. Ни того, ни другого ни разу так и не случилось, а потому Лысяя и не могла припомнить толком, чтобы Марья хоть раз сама её зачем-то набирала. Они списывались по сети, прибегали друг к другу в домой, потому что жили через дорогу, если надо – кричали в окна, но по какой-то причине до телефонных звонков дело никогда не доходило. Стоит сказать, что Лысяя *пыталась* ей звонить – но Марья брала трубку очень редко, потому что постоянно держала телефон на беззвучном.

Что же должно было случиться, чтобы Марья решила позвонить аж из Питера, где наверняка царил дикий роуминг?

«Может, – подумала Лысяя с сожалением, – просто случайно набрала, а потом скинула. Вряд ли, вызов бы не отобразился... Что могло произойти?»

Кошки разбушевались, раздирали душу в клочья настолько сильно, что заболело сердце. Поморщившись, Пашка стиснула зубы. Вдохнула носом воздух и побрела домой, едва ли разбирая дорогу.

Больно было от осознания того, что этой ночью Лизу Савичеву изнасиловал парень, в которого она была влюблена, – а Лысяя никак этому не помешала. Больно было от того, что пока она веселилась, звонила Марья, – и она не взяла трубку. Марья никогда бы не позвонила от большого счастья, или просто так, значит, что-то точно случилось.

Денег на счету у Пашки было не так много, но...

«Абонент временно недоступен. Попробуйте позвонить позже».

– Кто бы сомневался, – шепнула Лысяя, набирая СМС-сообщение

«Привет, ты звонила? Прости, умоляю, телефон был на беззвучном. Если хочешь, звони в любое время».

Несколько раз перечитав, Пашка поморщилась: выходило слишком сопливо, Марья, если прочтёт, за дуру примет.

«Если надо, позвони ещё раз».

Что-то совсем плохо – как будто они друг другу чужие.

...Они познакомились в школе: Марья была той чудачкой, хотя старше её на один класс. Как-то раз Пашка – в то время ещё Бритая, с причёской «под ноль» – прогуливала злосчастную геометрию, сидя на лестнице. Сидела, пока не заметила, что этажом выше по ступенькам кто-то ходит туда-сюда. Прислушалась: этот кто-то ещё и стихи читал.

Пашка осторожно поднялась, выглянула из-за перил и встретилась глазами с Марьей.

Та ничего ей не сказала, и взгляда не отвела. Начала медленно спускаться, на каждую ступеньку произнося по строке или по слогу, как ритм ложился.

– *Сегодня сидишь вот, – ступенька, – сердце в железе, – ещё одна, – выгонишь, может быть изругав... В тёмной передней долго не влезет сломанная дрожью рука в рукав...*

– *Выбегу, тело в улицу брошу, – в унисон продолжила Лысяя негромко, чтобы не сбить незнакомку, вспомнив строки «Лилички» Маяковского, – дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссечась...*

Ступеньки под ногами девушки почти что закончились: осталось три.

– *Не надо этого, дорогая моя, хорошая... Давай простимся сейчас, –* говорила она, глядя прямо в глаза Пашке, и ту пробирала еле ощутимая приятная дрожь: никто никогда не читал

ей стихов, а эта незнакомая чудачка будто бы именно это и делала. Она стояла, выпрямив спину, и нисколько не стеснялась, смотрела на неё с какой-то отчаянной, безумной покорностью, с чуть заметной уверенной улыбкой.

*– ...И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок над виском
не смогу нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно
лезвие ни одного ножа*

– Хватит, – первой не выдержала Пашка, окончательно смутившись и растерявшись. В то время она ещё не полностью покрылась крепким кожаным панцирем, а потому стих пробирал по сердцу калёным железом. Девушка прекратила читать, хлопнув глазами несколько раз.

– Плохо получилось?

– Нет, что ты... Вышло здорово, правда. И-извини, я... помешала тебе, наверное.

Девушка покачала головой.

– Нисколько. Я стих учу.

– Я уж поняла, только... странно ты учишь.

– У меня такой способ. По строке на ступеньку. Лучше запоминается.

...Так вот Пашка и познакомилась с чудачкой из восьмого «Б», Машкой Ворониной, которую она всегда звала просто Марьей.

Марья была тихой и странной. Учила стихи, которые в школьной программе ещё не проходили, и превосходно их читала. Здорово пела под гитару – причём не какого-нибудь заезженного Цоя, а очень красивые и мелодичные, неизвестные Пашке песни под скандинавский мотив. Умела плести «ловцы снов», и даже научила подругу, так что та сплела себе несколько. Они не были закадычными друзьями: виделись изредка, хоть и жили в домах напротив, почти никогда не гуляли. Но каждый раз, когда встречались, Пашка чувствовала небывалую лёгкость – Марья её будто бы окрыляла. Эта девушка была настолько невесомой, чистой и светлой, что задиристую и грубую Пашку к ней невероятным образом тянуло. Невозможно научить человека быть добрым, однако уже спустя время Лысая поняла, что человек может испытывать потребность научиться этому.

Она не успела: через год после их знакомства Марье пришлось переехать в Питер. И Пашка, только-только переставшая чувствовать себя одинокой, снова осталась одна.

Конечно, она нашла себе компанию друзей, с которыми коротала время, вот только ни с одним из них не получалось дружить так, как получилось с Марьей. И до сих пор она по ней тосковала: с упоением читала каждое её редкое письмо из Петербурга. Но если бы кто-то спросил, хочет ли Пашка, чтобы Марья вернулась – та ответила бы, что нет. Увидев, какой она стала, Марья, хоть и рассеянная, но обычно добрая и прилежная, не захочет больше общаться с ней, в этом Лысая была уверена. Она и сама не стала бы дружить с кем-то вроде себя.

Пашка стояла посреди асфальтовой тропинки, ведущей вдоль дома, и долго смотрела в телефон. Ни одно из набранных ей сообщений не было тем, что она действительно хотела сказать Марье. Она даже напечатала пару строк «Лилички» – но это вышло бы уж совсем глупо, и Пашка поспешно стёрла их.

Тихо выдохнув носом воздух, Лысая напечатала и тут же отправила, не успев передумать, короткое:

«Отъебись».

Лысая часто ненавидела сама себя – но в то утро её ненависть была все рекорды.

4

Марья больше не звонила и не писала.

Начался июль, и со школой можно было на время распрощаться. Пашка по-прежнему изредка тусовалась с компанией, старательно делая вид, что ничего не произошло. Ничего, как будто бы, и правда не было: все смеялись, вспоминая только забавные моменты вписки, вроде попытки Кира закинуть Говнаря на спину. И Лысая смеялась вместе с ними: бродила вместе с ними всюду, молча смотрела, как Кир и Сумчик отжимают мелочь у младшекласников, подпевала, когда Лизок играла на гитаре, и иногда даже забывала про всё, что случилось...

Но изредка её грызла тревога: *такое* случилось, и ты ничего не сделала. Пашка всячески оправдывала себя, мол, пьяна была и ни хрена не помню, да и Лизок там веселилась от души, не её проблемы, пусть эти двое сами в своих отношениях разбираются. Не всегда, но чаще всего помогало. Правда, однажды ночью в голову пришла мысль: а сколько из всех пьянок, что у нас были, я ещё дерьма натворила – и забыла начисто?

После этого Лысая всеми правдами и неправдами избегала общих тусовок, где был алкоголь.

Спустя примерно месяц она вспомнила про Зайца, которого отдала бабке Лизы. Тот, наверное, уже выздоровел совсем, так что пора было навестить его. Если он хорошо прижился – Пашка решила, что там его и оставит, бабушка, небось, тоже к нему уже привыкла, ни к чему будет разлучать их.

«Интересно, а она меня вообще помнит?»

Маргарита Семёновна помнила – и по-прежнему улыбалась.

– Здравствуй, девонька! А мы тут чай пьём, хочешь?

– Н-нет, с-спасибо, – отмахнулась Пашка. – Я на Зайца пришла глянуть. Как он, выздоровел?

– Аaaa, котик-то! – вспомнила старушка и обернулась, глянув вглубь квартиры. – Зайчик! Ксс-ксс!

В следующий момент Пашка обомлела: к бабке, бодро перекатываясь, подбежал располневший, явно довольный жизнью кот, и потёрся о её ноги. Лапки, видимо, уже совсем зажили.

– Ну иди сюда, мой хороший, – Маргарита Семёновна наклонилась и подняла толстяка на руки. Увидев Пашку, Заяц что-то ей мрлыкнул – кажется, узнал.

– А ты неплохо тут живёшь, – улыбнулась она, протянув руку и погладив его. – Ну, значит, всё хорошо? Он не мешает вам хоть?

– Да какое там мешает, – весело изумилась бабушка. – Мы с ним весело живём. Хороший он, Зайчик, помогает мне по хозяйству.

– Вот и здорово! Спасибо вам большое, что приютили и выходили.

– Да мне-то что! Тебе спасибо, Пашенька...

Когда дверь закрылась, Пашка ещё несколько секунд тупо пялилась в неё, прежде чем развернуться: на её памяти её очень редко называли столь ласковым именем. Тем более неожиданно было услышать это от малознакомой бабушки... Неожиданно, но приятно.

Кто-то спускался по лестнице.

Пашка стала спускаться, и на одной из лестничных клеток невольно взглянула на идущего. Его лицо показалось ей смутно знакомым... а затем, узнав его, Пашка впала в секундный ступор. Это был тот самый «программист», уронивший её на лопатки, когда она несла домой Зайца!!! Загвоздка была лишь в том, что привычная вспышка злости, придающая сил для драки, как-то не спешила появляться... Лысая медлила: желания драться у неё не было, желания отпустить этого ублюдка с пустыми руками – тем более.

«Программист», кажется, тоже узнал её. Хоть они и встретились всего раз, внешность у Пашки была запоминающаяся. Сейчас он был одет в белую рубашку и чёрные брюки, а под рукой нёс какую-то папку.

– Ну что, до сих пор дуешься на тот случай? – спросил он прямо. – Ты извини, я тогда погорячился.

– Погорячился? – угрюмо и зло переспросила Лысяя. – Да ты меня об брусчатку...

– А ты меня обматерила, так что всё честно, – программист пожал плечами. – Разве ты не сделала бы то же самое с незнакомцем, который наорал на тебя?

«Я б ему ещё и добавила», – невольно подумала Лысяя, только затем осознав, что поганец совершенно прав. Поморщилась.

– Предлагаю забыть тот инцидент и начать всё сначала, – человек протянул ей руку. – Олег Истомин, учитель. Очень приятно.

– Ты учитель? – удивилась Пашка, презрительно нахмурившись. – Во дела! Никогда бы не подумала.

Вместо рукопожатия она с размаху хлопнула по его ладони своей – жест вроде «дай пять!», только более упрощённый. Олег удивился, но ничего не сказал.

– А ты?..

– Лысяя.

– Это я, как ни странно, уже вижу.

– Кликуха у меня такая, дурень. Погоняло.

– Я предпочитаю называть людей по именам.

– А на хера тебе моё имя сдалось, очкарик?

– Неужели просто его назвать труднее, чем щетиниться, как дикобраз?

Лысяя поморщилась, прошла мимо Истомина, едва удержавшись от того, чтобы задеть его плечом, и стала спускаться.

– Паша меня звать. Полное – «Павлена».

Истомин тоже стал спускаться. Пашка чувствовала на себе его взгляд, но игнорировала.

...Неприятности никак не желали оставлять её одну, или хотя бы приходить по очереди, а не валиться всей кучей с небольшим интервалом. Выйдя из подъезда, Лысяя заметила на другом конце двора странную компанию из трёх человек, один из которых – невысокий паренёк в очках – явно подвергался какому-то давлению, потому что двое зажимали его в угол.

Приглядевшись, Пашка узнала одного из них: это был Ванька Овощ, у которого вся мозговая жидкость уходила в подкожный жир. Парень был невероятных размеров, и при других обстоятельствах точно пошёл бы в сумо – а пока что подрабатывал гопником.

Пройдя к ним несколько метров, Лысяя узнала и парня, которого они зажимали: тот самый брат побитого Киrom боксёра. Не везло ему на дворовые приключения.

– Э, Овощ, – крикнула она, и Ванька обернулся всем телом: жирная его шея функционировала с большим трудом. – Отстань от него.

– Лысяя? – изумился тот. – А чё он, кореш твой или чё? Я вообще, я без проблем, – он повернулся и похлопал паренька по плечу здоровой лапой, – повезло тебе, пацан, на сегодня... Погнали, Вася, отседава...

– И не лезь больше к нему. У него брат боксёр, въебёт тебе, – пригрозила Пашка уходящему Овощу. Тот не обернулся: услышал ли?..

Школьник смущённо засопел.

– Откуда ты знаешь?

– А? – не поняла Пашка.

– Про брата моего.

Поняв, что чуть не прокололась, Лысяя по-быстрому соврала:

– Да я просто от себя напиздела. Овоща не бойся, он тебя больше не тронет.

– Спасибо.

Кажется, ту нелепую попытку извиниться парень не помнил – либо тогда просто не разглядел хорошенько Лысую. Как бы то ни было, никаких признаков, что он её знает, он не подавал.

Пашка сделала попытку широко улыбнуться – и у неё получилось.

– Я Лысяя! Давай лапу.

– Павел, – он неуверенно ответил на рукопожатие.

«Тёзка, надо же».

– Ладно, бывай, Павел – сказала Пашка, вскинув руку на прощание. – Аккуратнее будь!

И брату привет.

– Нет у меня брата, – донеслось ей в спину. – Умер.

Лысяя встала как вкопанная.

Глава 3. Долги

1

Нежно-рыжий закат раскинулся над городом на противоположном берегу пруда, спокойного и ровного, как зеркало. Стоящая на коротком мысу Пашка старательно пыталась нарушить его безмятежность: швыряла плоские камешки в воду, пуская блинчики. Её рекорд был три раза – а ведь когда-то в детстве она умела как-то изгаляться так, что камешек отскакивал от воды семь раз, не меньше!

К сожалению, она была не одна.

Истомин, пришедший вслед за ней (сегодня почему-то был не на машине) стоял поодаль, прислонился спиной к дереву и скрестил руки на груди. Пашка чувствовала его присутствие, но ничего не говорила. Какое-то время царило молчание – но Истомин предпочёл его нарушить.

– Интересная у тебя татуировка.

Плюх! Камешек отскочил четыре раза, а затем ушёл на дно.

– Сочту это за комплимент, – сказала Пашка, решив, что этого хватит, чтобы разговор заглох.

Не вышло.

– Но не тебе, а скорее, мастеру. Кто её сделал?

– Один мой знакомый. Хобби у него татухи набивать.

– Адрес не подскажешь?

– Не подскажу.

– «Держись подальше» – это что, предостережение?

«Перевёл, зараза. Он что, учитель английского?» – подумала Пашка, бросив камень, а затем озвучила свой вопрос.

– Нет, не английского, а алгебры, – поправил её Истомин.

– Тоже ворчишь на учеников, когда они решают правильно, но не так, как ты говоришь?

Её собеседник короткое время молчал.

– Если ученик сам освоил способ, о котором я не рассказывал, и решает им – это ли не повод для гордости? Это скорее заслуга, чем вина.

– Ну надо же, какие мы хорошие, – недоверчиво скривила лицо Лысая, запустив в воду ещё один снаряд.

Теперь Истомин молчал подольше.

– У тебя что, детская травма, связанная с математикой?

– Вот скажи, почему ты вообще до сих пор здесь? – зло обернулась Пашка. – Какого хрена тебе надо от меня?!

– Тот парень, которого ты от гопарей спасла... Ты его знаешь?

– Хватит. До меня. Допытываться. Это не твоё собачье дело, знаю я его или нет!

Истомин снова замолчал. Спустя какое-то время он произнёс, глядя в сторону противоположного берега:

– Красиво, да? Хоть пейзаж рисуй.

– Да хрен там, – сказала Пашка мрачно. Ей не хотелось ни в чём соглашаться с этим странным типом. – Этот пейзаж – шлюха.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Истомин.

– Ну такой пейзаж, мимо которого люди постоянно ходят, на фоне которого фотографируются, которым любят из дня в день, потому что его красота не меняется. Он всегда один

и тот же, и каждая идиотка, у которой на камере установлена фронталка, желает сфоткаться на его фоне. Смотрите, как красиво! – Пашка опять скривила лицо. – Вот я и говорю: этот пейзаж шлюха. Его видел каждый, каждый им любовался, каждый говорил, что он красивый. Сказали столько раз, что... уже тошнит от этого.

Истомин надолго замолчал, так ничего и не ответив.

Солнце почти село. Начинало холодать: Пашка чувствовала это, хотя кожанка отлично спасала от мороза. Пора завязывать с киданием камней – решила она, разворачиваясь и покидая берег. Вот только перед тем, как идти домой, нужно избавиться от Истомина.

– Я иду домой. Мне на Рудный.

– Хорошо, нам по пути.

– Давай ты пойдёшь куда подальше? Чего я точно не хочу – это чтобы ты за мной шёл.

Пашка остановилась, глубоко вздохнула: она начинала медленно закипать.

– Если я сейчас обернусь, и увижу тебя сзади, я тебе врежу, – спокойно произнесла она.

– Это нечестно, потому что ты в любом случае...

Истомин молниеносно поймал её кулак.

– ...обернёшься.

– Да какого хрена тебе надо?! – возмутилась Пашка, выдёргивая руку из его крепких пальцев. – Ты же вроде не хотел драться, ублюдок!

– И не хочу.

– А тогда нахрена ты ходишь за мной?! Что тебе нужно?

– Мне ничего не нужно. Я просто хочу тебя спасти. Ты интересный человек, Павлена.

Тут Пашка рассмеялась.

– Спаси – меня? Ты больной мудака, и в башке у тебя каша вместо мозгов. Мне, как видишь, угрожаешь только ты, так что, будь добр, спаси меня от своей мерзкой хари!

Ни один мускул на лице Истомина не дрогнул.

– Что бы ни было написано у тебя над ухом, тебе нужно, чтобы кто-то был рядом. Ты просто сама этого не понимаешь.

– Ты вдобавок ещё и хренов психолог, да? Гадалка?

– Тут никакая гадалка не нужна, у тебя всё на лице написано... Если быть точным, немного правее.

– Завязывай шутить, юморист! – Пашка начинала не на шутку сердиться. Ещё немного – и она точно приложит усилия, чтобы вместо лица Истомина остался один сплошной синяк. Пусть она и сама при этом порядочно отхватит, плевать. Нужно было срочно дать выход всем накопившимся чувствам, а Истомин, как назло, усердно нарывался.

– Хочешь узнать, что это значит? – спросил он.

– Ни капли.

– Это значит, что ты разочаровалась в людях, Лыся. Ты одинока, а твоя тату – это твой крик о помощи.

– Ты ебанулся?! – вскричала Пашка, не выдержав. – Там, блядь, написано «STAYAWAY», переводится как «Держись подальше»!!! Хренов ты задрот, что ты вообще о себе возомнил?!

Она наступала на Истомина, тыча ему пальцем в грудь.

– Не смей пытаться угадывать, что со мной происходит! Не смей жалеть меня! Не смей говорить, что мне нужна помощь! Не смей, сука, говорить, что я одинока, потому что это ни хрена не так!!!

– Не была б ты одинокой – не набила бы такое на черепе.

– КАК ТЫ МЕНЯ ЗАЕБАЛ!!! – разнёсся крик на весь парк.

Замахнувшись, Пашка со всей дури врезала Истомину по лицу – тот даже не успел никак защититься. Дужка очков хрустнула. Лыся собралась ударить ещё раз, но ей прилетело с такой

силой, что помутнело в глазах. Едва устояв на ногах, она схватилась за кровоточащий нос, отойдя по инерции на несколько метров назад.

Так же покачнувшийся, Истомин аккуратно снял очки, зажмурив один глаз. Висок его кровоточил.

– Ты одинока, Лыся. И тебе нужен *нормальный* друг.

– Заткнись, иначе врежу ещё раз, – неуверенно пригрозила Пашка. Лицо и костяшки рук – в крови. – Да и такой друг, как ты, мне к херам не сдался.

Медленно наступала ночь: в парке зажглись фонари, хотя было ещё не так темно, и поверхность пруда была по-прежнему бледно-голубой.

– Когда мы только встретились, – снова заговорил Истомин, – я подумал, ты просто ещё один гопник, каких здесь пруд пруди. Ты ведёшь себя так, как они – вернее, пытаешься. Но ты не такая. Они не спасают кошек с искалеченными лапами, и не помогают школьникам отделаться от хулиганов.

– Ты не знаешь, о чём говоришь.

– И тем не менее. Я не знаю, какое событие побудило тебя набить такое тату...

Их разделяло несколько метров. Можно было развернуться и уйти – но Пашка почему-то не спешила.

– Но я знаю, почему оно именно такое. Тебе кажется, что для других это угроза, предостережение, что-то, что делает тебя сильнее и опаснее. Нет, это – самозащита. Твой панцирь. Чтобы никто не пытался приблизиться к тебе. Чтобы снова не было больно. Как в тот раз.

«*И в пролёт не брошусь, и не выпью яда, и курок над виском не смогу нажать...*»

– О чём ты?

– Сама знаешь. Ты ведь уже натворила дел, не так ли?

Истомин не мог вообще ничего знать – они лишь во второй раз сегодня встретились, почему он говорил так, будто знал *всё*? Почему он смотрел на неё так, будто ей нужна была помощь?

«А мне не нужна? – подумала Пашка, и тут же мысленно вскрикнула: – Нет, не нужна! Я сама могу о себе позаботиться!».

«Ага, уже позаботилась. Послала единственного родного человека куда подальше».

– Да что ты вообще знаешь... – отчаянно прошептала Пашка, развернувшись и спрятав лицо.

– Лыся, – голос Истомина в этот момент прозвучал как-то особенно громко, решаяще. – Это твой последний шанс. Если ты так сильно этого хочешь, я сейчас разворачиваюсь и ухожу. У тебя наверняка есть приятели, да и помогать тебе незачем, ты у нас сильная. Если это действительно так, тогда не говори ни слова. Я просто уйду – и так всё закончится.

Пашка очень хорошо запомнила этот момент. Когда светили фонари, вокруг сгушалась светлая и тёплая летняя ночь, а ей всё равно было холодно. Она стояла посреди парка и дрожала всем телом, схватив одну руку другой. Скрипя зубами.

Неужели есть шанс всё исправить? Сделать так, чтобы Марья вернулась, и всё было по-прежнему? Нет, твёрдо сказала себе Лыся, ничего из сделанного уже не изменить. Но можно хотя бы сделать так, чтобы не стало хуже. Этот Истомин... что он вообще может знать? Как он может ей помочь?

Она осторожно повернула голову, взглянув через плечо.

Истомин действительно уходил. Медленным, размеренным шагом удалялся от неё. Пашка всё смотрела ему вслед, открывая и закрывая рот. Ей хотелось что-то сказать. Ей хотелось, чтобы замер на месте единственный чёртов мудака, который полностью её понял – и чтобы он провалился сквозь землю, и тогда этот мир никогда не узнает об её, Лысой, главной слабости. Она запрячет собственное сердце так далеко в кожаные закрома, как только сможет, и никто, никогда его оттуда не достанет, ни Марья, ни Кир с ребятами...

«Не надо этого, дорогая моя, хорошая... Давай простимся сейчас...»

– Подожди, – прошептала, прохрипела Лыся еле слышно, скребя пальцами воздух. –
Пожалуйста...

Она сама едва себя слышала. Истомин не остановился. Отдалялся. Отдалялся.

Лыся развернулась, хотела, было, бежать, но не смогла: споткнулась и рухнула на колени. Протянула руку вперёд, хотела кричать, хотела звать, хотела остановить Истомина, стоя на коленях, царапала пальцами асфальт, пытаясь выжать из себя хоть слово...

Ничего не вышло.

Истомин ушёл.

2

После ссоры с матерью, случившейся из-за татуировки и принесённого домой Зайца, прошло уже достаточно много времени, и всё почти наладилось. Но с тех пор между Лысой с матерью пробежал ощутимый холодок. Мать ничего больше не говорила про татуировку, но упорно старалась на неё не смотреть: будто бы надеялась, что, если не обращать внимания, она исчезнет, впитается в кожу и больше никогда не покажется на свет. Зря надеялась.

Отец комментировал то, что видел, усталым вздохом «хромая кошка пробежала» – наверное, имел в виду Зайца. Но, как и всегда, сохранял нейтралитет. Пашке тоже очень хотелось бы, но так уж вышло, что она была одной из «воюющих» сторон. И, чтобы избежать лишних столкновений, она реже, чем раньше появлялась дома, при этом и с Киrom и компанией почти что не гуляла: ходила по городу одна, слушала музыку и что-то искала – порой сама не понимала, что.

«Может, ты Истомина ищешь?» – приходила к ней в голову шальная мысль, а Пашка не знала, что с ней делать. Истомин как в воду канул, и на глаза ей больше не попадался. Со временем Лысая заметила, что очень уж часто обнаруживает себя в двух местах: на том переходе, где «программист» её чуть не сбил, и во дворе дома, где жила бабушка Лизы.

Истомина не было ни в одном, ни в другом из этих мест.

...Стоял конец июня, жара проникала всюду, где не было вентиляторов или кондиционеров. Зелёные листья клёнов, казалось, вот-вот застонут от нещадных солнечных лучей, люди искусно плутали тенями, словно вампиры, не желая выходить на свет. Пашке пришлось избавиться от любимой кожанки – дышать в ней было невыносимо. Шагая, куда глаза глядят, просто так, чтобы куда-то шагать, Лысая свернула во дворы, где солнца было куда меньше, чем на улицах. Старые тесные дворики и закутки двухэтажных домов казались ей уютными: вдыхая запах сырой древесины и листьев, Пашка чувствовала себя по-настоящему как дома – несмотря на то, что жила совсем не здесь.

Дворик этот был в форме буквы «П», тенистый и уютный. Газоны покрывала невысокая травка, у стен домов вырастающая до пояса. В солнечном квадрате под деревом припарковался старый «Жигуль» – судя по его виду, уже давно припарковался, стёкла были выбиты, двери изрисованы, колёса сняты, внутренности многократно вытащены и втащены обратно. Целыми, что странно, остались только фары за выпуклыми жестяными решётками: видимо, никто не нашёл способа их вытащить. Или не искал.

Свернув с дороги, Пашка пробралась к нему сквозь заросли и тронула ржавчину. Шершавое ощущение на кончиках пальцев напомнило ей о случае, произошедшем, казалось, давным-давно.

– Пашка, смотри!

Пашка хотела сказать, чтобы Марья была аккуратнее, но слова замерли, не пожелав быть произнесёнными: та легко запрыгнула на ржавый капот старого «Жигули», вступила ногой на крышу, покачнулась, удерживая равновесие. Устояла в горделивой позе.

– И чё ты туда забралась, Ленин в джинсах? – ухмыльнулась Пашка.

Марья вытянула руку вперёд, несколько секунд изображая вождя, а затем подняла голову. В полуметре над ней шелестела густая листва дерева, возле которого когда-то неизвестный хозяин и припарковал этот «Жигуль» на весьма длительный срок. Посмотрев какое-то время, Марья сказала, вытянув руку вверх:

– Спорим, допрыгну!

– Ты ж грохнешься...

– А вот и не грохнусь!..

Конечно же, Марья грохнулась, расцарапав до крови обе колени и сильно ушибившись о землю. Пашка бросилась к ней.

– Я ж тебе говорила, глупая... – сказала она, склоняясь. – Ты как, Марья? Идти можешь? Пойдём домой.

– Больно, – Марья, кажется, чуть не плакала – но держалась.

– Тогда точно домой.

– Паш, я не поднимусь...

– Тогда я тебя дотащу.

Немного повозившись, Пашка вскинула Марья на спину (та обхватила руками её шею).

– И-и р-р-раз!..

Марья была лёгкой, словно ребёнок. Пашка, нисколько не стесняясь, понесла её домой. Та не сопротивлялась, только смущённо сопела, уперев нос ей в плечо. И от этого было так невыразимо приятно, что Пашка готова была нести её сколько угодно, пока не отвалятся руки. Как же чертовски хорошо этот «Жигуль» там уместился! – она обругала себя за такие мысли. Марья поранилась, и думать так – значит поступать по-свински. Чёрт, а руки-то действительно начинают ныть.

– Э, смотрите, Бритая Ворону тащит!!! – засмеялся проходивший по другой стороне дороги Рубенцов с приятелями. Зло взглянув на него, Пашка показала средний палец. Марья в этот момент совсем уж смущённо засопела.

– Не парься, – сказала ей Пашка. – Если скажет чё-нить – я ему врежу.

Марьяна бабушка, к которой пострадавшую и принесла Бритая, начала охать, обработала израненные колени спиртом и заклеила пластырями. Пока думала, что Пашка не слышит, жаловалась, мол, завела себе друзей-скинхедов, одни проблемы, убьёшься когда-нибудь.

Но Марья смотрела на неё с благодарностью – и Пашке этого было более чем достаточно.

Не успела Пашка в полной мере насладиться приятной ностальгией, как вспомнила, что она написала в последнем сообщении Марье. На сердце опять заскребли привычные кошки, и Пашка поспешила покинуть заржавевший «Жигуль». К чему ни прикоснись – всё вызывает эту чёртову ностальгию.

Что же делать с Марьей?

После того случая Пашка пробовала писать ей ещё: извинялась, сбрасывала вину на проклятый Т9 и несуществующего племянника, писала, что была пьяна и не разбирала, кому пишет, что перепутала номер и хотела послать кого-то другого... Каждую из этих отмазок Лысяя неумолимо стирала: Марья прекрасно умела распознавать ложь. Когда она наконец решила отправить какое-то из оправданий, выяснилось, что на телефоне очень вовремя кончились деньги. С тех пор Пашка не предпринимала никаких попыток, решив, что со временем всё как-нибудь само рассосётся.

Она шагала по тенистой стороне дороги, когда в двух метрах впереди неё притормозила у обочины чёрная «Лада». Поначалу Лысяя внутренне напряглась (вокруг было довольно пустынно), но вздохнула с облегчением, когда из окна выглянул Серёга и приветливо ей помахал.

– Катаешься? – спросила она, подходя к машине.

– Типа того, – в своей обычной манере ответил тот. – Хочешь со мной?

До этого Пашка никогда не оставалась с Серёгой вдвоём: каждую их встречу рядом неизменно находились Кир, Сумчик или ещё кто-то из компании. Так что оставаться наедине им не приходилось. Но Пашка подумала, что заняться ей всё равно нечем, так что не будет ничего плохого, если она немного покатается.

– Тут дело есть одно, – сказал Серёга, когда Лысяя села, захлопнув за собой дверь. – Поможешь?

– А в чём суть?

– Да ничего особенного.

Машина двинулась вперёд, вырывая на линию.

– Один парень мне давно пять косарей должен, а отдавать всё не спешит. Я хочу его поторопить и...

– Выбить? – спросила Пашка недоверчиво. Неужели Серёга собирается поставить её в роли коллектора?

– Да ну зачем сразу выбить. Просто вежливо попросить. А ты просто сзади постоишь.

– Ага, буду угрожающе сверкать лысиной, с битой на плече?

– А тебе никто не говорил, что ты в принципе выглядишь довольно грозно даже без биты?

Пашка удивилась: раньше ей это даже в голову не приходило.

– Нет...

Она мельком – Серёга был занят дорогой – взглянула на себя в зеркале справа. Татуировка смотрелась очень круто, а вот рыжие волосы потихоньку опять начинали завоёвывать пространство её черепа, и если ничего не сделать, вскоре она опять превратится в Бритую. Что до лица...

– Да чёрт, мне без разницы, – сказала она недовольно, поморщившись.

Серёга ухмыльнулся, но ничего не сказал.

Они свернули было на дорогу, ведущую в сторону Полтинника, но на повороте поехали прямо, в район Сортировки. Небо начинало постепенно, очень медленно хмуриться, подул нехороший ветер: вскоре мог пойти дождь.

– Чё, как ты вообще? – спросил Серёга. – Чем занимаешься? Чё там у Кира?

Лысяя, не вдаваясь в подробности, отмахнулась, что ничем не занята, слоняется весь день по городу без дела, а Кир то ли где-то подрабатывает, то ли мелочь у прохожих жмёт.

Серёга постучал в дверь. Лысяя позади него встала в исходную позу: сведённые над переносицей брови, хмурый взгляд, бита на плече – кстати та самая, которой она орудовала, когда спасала Зайца от Клоунов.

В подъезде было неожиданно свежо для дома, располагающегося на Сортировке. Пол был покрыт двухцветной плиткой, стены чистые, почтовые ящики целёхонькие, даже эхо по сводам подъезда разносилось какое-то... «чистое». Как такой дом вообще существовал – оставалось непонятно.

Дверь открылась, и на пороге неожиданно возник Рубенцов, одноклассник Лысой. В мятой синей футболке, ещё более мятых длинных шортах, и с ничего не понимающим лицом.

– Здоров, Серый... – сказал он, кажется, рефлексивно, и только после этого заметил стоящую позади Пашку. – О, Лысяя... А ты чё тут делаешь?

Та поняла, во что вляпалась. Рубенцов то ещё трепло, и за ним не заржавеет – всей школе расскажет, что Лысяя подрабатывает вышибалой. С другой стороны, это был хороший шанс заткнуть его...

– Да мы с ней гуляли, вот в гости к тебе заскочить решили, – Серёга как бы невзначай опёрся локтем на дверной косяк. – Ты, короче, это... Пять тысяч верни мне.

– У-у м-меня нет... – запинаясь, проговорил Рубенцов.

– У меня тоже нет, – сказал Серёга медленно. – И меня это огорчает.

Рубенцов мельком взглянул на Лысю – неужели, ждал помощи? Та, не менясь в лице, тихонько пристукнула битой по плечу.

«Сейчас ты у меня и за Рыжую, и за Бритую, и за Лысюю пояснишь, скотина».

– Слушай, Серёг, давай не сегодня? – умоляюще сказал Рубенцов. – Я, гадам буду, верну, но у меня это последние...

– Завали! – прикрикнула на него Лыся. Это было дело Серёги, а не её, но уж больно ей хотелось припугнуть Рубенцова, пока была такая возможность. – Ты либо бабки Серёге верни, либо я тебя с этой малышкой познакомлю.

Это сработало.

– Да ща! – с недовольным отчаянием произнёс Рубенцов, захлопывая дверь. Минуту-другую его не было, затем он снова возник на пороге, протягивая Серёге пачку купюр: видимо, единой пятитысячной не нашлось.

– Ну так бы сразу, – сказал Серёга, забирая деньги. – Всё, вопросов больше нет, бывай.

Он даже пожал ему руку (Рубенцов был, мягко говоря, не на вершине блаженства). Когда Серёга стал спускаться, он хотел, было, закрыть дверь, но в проём в последний момент вклинилась бита.

– Если хоть кому-то растреплешь, – как можно более угрожающе сказала Пашка, – при-
бью!

3

Они вышли из подъезда, направившись к машине. Небо окончательно затянуло, но дождя пока что не было.

– Твой знакомый? – спросил Серёга.

– Одноклассник. Та ещё паскуда: из-за него я и стала Лысой. А с чего он тебе должен денег?

Серёга ухмыльнулся.

– Он как-то раз у меня занял. Надо сказать, это было уже давно, а именно сейчас мне деньги понадобились... Решил его поторопить. Кстати, красавя, Лысяя, тебе респект. Сам я деньги вытрясать не очень умею. А у тебя круто получилось.

Пашка довольно хмыкнула.

Они снова сели в машину и поехали в обратную сторону. Мелко заморосило.

– Куда ты теперь?

Серёга не ответил: зазвонил телефон.

– Приветствую... Да, как раз. А вы где сейчас? – говорил он с паузами.

Мимо них проскользнул поворот на Полтинник.

– Ну у меня есть, да... Могу отдать, если надо. Да? Х-хорошо, – это слово Серёга неуверенно протянул, притормозив машину, – ладно, скоро буду.

– Что, ещё один должник? – спросила Лысяя, когда он бросил телефон в бардачок.

Серёга поморщился, разворачивая машину: теперь они таки свернули к Полтиннику.

– Да не. Кое у кого ко мне есть разговор.

– Звучит так, словно тебя будут пиздить.

– Надеюсь, обойдётся без этого, – ухмыльнулся Серёга. – Но ты же со мной, если что.

Эти его слова Лысой не понравились – но она ничего не сказала.

Они остановились у торца серой, мрачной, как СССР, «сталинки», а затем обошли её, углубившись в поросший высокой травой дворик. Зелень действительно была почти везде: окутала чёрные прутья забора, пролезла сквозь купол разноцветной «паутинки» с отвалившейся краской, спрятала под собой основания турника, даже скамейка с одной стороны почти заросла лопухами. Тут можно было снимать какой-нибудь дешёвый постапокалиптический фильм, если бы двор не полнился людьми: компания подростков сидела на мощном покосившемся стволе дерева, несколько парней подтягивались на турниках, то и дело переругиваясь, а какой-то потрёпанный алкаш рылся в урне, пытаясь найти стеклотару. На одной из скамеек сидела девушка в чёрной спортивной одежде. Именно к ней и пошёл Серёга – и Лысяя последовала за ним.

– Добрый день, – с девушкой младше него он говорил на удивление учтиво.

– Присаживайся, – сказала она вместо приветствия, отодвигаясь.

Лысяя, оставшаяся стоять – потому что её присесть пока что не приглашали – внимательно рассмотрела девушку.

В ней не было ничего особенного: длинные и прямые русые волосы, бледное лицо, правая рука испещрена мелкими царапинами, на левой тонкий чёрный ремешок. Под чёрной «адидасовской» спортивной была футболка с какими-то буквами, какими – не разобрать. Кир бы такой точно отдал своё прокуренное сердце.

Серёга отдал этой девушке деньги – куда больше, чем получил от Рубенцова, видимо, свои добавил тоже. Удовлетворённо кивнув, она сунула их во внутренний карман куртки. И, кажется, только после этого заметила Пашку. Не стала ничего спрашивать у Серёги, присмотрелась.

– Ты вроде с Останцевым тусуешься?

Это была фамилия Кира. Лысяя кивнула. Эта девушка не вызывала у неё особенных чувств, но как-то *напрягала*: Серёга был с ней подозрительно учтив, и это было странно.

– Она со мной, – сказал он, – Пашка её зовут. Или Лысяя, кому как нравится.

– Я уж поняла, что с тобой. Короче, – она понизила голос. – То, что долги возвращаешь – молорик, ценю. К июлю для тебя работа найдётся, так что на то время пока что ничего не планируй.

– Понял, – кивнул Серёга, согласившись без раздумий. – А что за работа?

Девушка посмотрела на Пашку.

– Погуляй пока, Лысяя. Мы побазарим.

Хотелось бы что-нибудь ей ответить, чтобы не залупалась – но Пашку остановило то, что это могло бы испортить таинственное Серёгино дело. Лучше вообще ни во что не вмешиваться. Она отошла, встав поодаль, опёрлась на забор и стала скучающим взглядом следить за парочкой.

И что у Серёги за работа такая? Впрочем, поморщилась Лысяя, ей-то какое дело. Пусть работает где хочет. И всё же грызло, мелко грызло неумолимое любопытство, которое Пашка отгоняла всеми силами.

Спустя несколько долгих минут девушка опять подозвала её. Это начинало напрягать: она отдавала приказы таким уверенным и беспрекословным тоном, будто весь мир был у неё в подчинении. И Серёга – непринуждённый, будто бы вечно накуренный Серёга! – слушался её, и будто бы даже побаивался! Это вводило Пашку в ступор.

– Короче, слушай сюда, Лысяя, – спокойно сказала она, скрестив пальцы рук и положив локти на колени. – Передай Останцеву, что пизда ему. Он поймёт, за что.

– А сама передать не можешь? – прямо спросила Лысяя, нахмурившись: происходящее нравилось ей всё меньше и меньше. Сначала эта деваха приказывала ей, а теперь уже за что-то угрожала Киру. Конечно, ему было, за что угрожать, однако просто так оставлять это Пашка не собиралась. – И от кого?

Девушка взглянула на неё. Глаза у неё были голубые – но тёмные-тёмные, Лысяя таких ни у кого не видела.

– Я сказала: он сам поймёт. Он рыпался на одного из наших – теперь пусть расплачивается.

– Слушай ты, – сказала Пашка, встав перед незнакомкой, – я знаю, что Кир косячит много, но передавать я ему от тебя ничего не стану. Просто знай: если с ним что-то случится – ты сама огребёшь по полной.

– Нам пора, Лысяя, пошли, – сказал Серёга, поднявшись, и торопливо потащил её прочь.

Девушка на её слова почти не отреагировала, лишь внимательно смотрела ей вслед, а затем сказала негромко:

– Пожалеешь, Лысяя.

Пашка собиралась ей ответить что-то ещё, но Серёга потащил её прочь с удвоенной силой.

Первые минуты обратной дороги они молчали.

Лысяя обдумывала слова этой девушки про Кира. Обо всех своих делах он не рассказывал не только ей, но и вообще никому, но чтобы кто-то всерьёз грозился набить ему морду – такое было редкостью, и могло быть следствием какого-то очень серьёзного косяка. А такой у Кира пока что был только один, и знала о нём только Лысяя. Но как эта девушка могла быть связана с тем боксёром, и откуда знала, что Кир – друг Лысой?

– Кто она такая? – спросила Пашка наконец.

Серёга ответил не сразу.

– Ну... Вроде её Наташей звать. Но все кличут «Харли».

– Странное прозвище. Она что, из... – Лысяя не договорила.

Серёга щёлкнул пальцами.

– Она не просто «из», Лысяя. Она – глава Клоунов.

Повисло тяжёлое молчание.

– Ты чё, серьёзно? – не поверила Пашка. – Брось шутить, Серёг. Чтобы эта баба – и...

– Я чё, Петросян дохера по-твоему? – недовольно сказал тот. – Стал бы я давать ей бабло просто так?!

Лысой всё равно не верилось – но это было похоже на правду. Разум отказывался воспринимать, что за почти взрослыми и сильными парнями стояла на вид совершенно обычная девчонка, вроде бы даже младше неё. И это объясняло, почему Серёга был с ней так почтителен.

– Так ты всё же с Клоунами шарахаешься? – спросила Лысяя.

Серёга не стал оправдываться.

– Кто с ними не шарахается – тот в Полтиннике не живёт. Харли иногда мне даёт работу, за которую отваливают побольше, чем в автосервисе... Кстати, хочешь прикол? Во дворе, где мы были, обычно вообще никто никогда не гуляет.

Лысяя посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– Ты имеешь в виду, те парни...

– Ага, – кивнул Серёга, – вообще все, кто там был, сто процентов пришли туда с ней.

Пашку охватило ощущение, что она только что избежала какой-то странной ловушки, которая по неведомым причинам не пожелала захватить её.

– Ж-жесть.

– А ты что думала? Естественно, Харли не станет одна приходить. Когда я в первый раз с ней встретился, тоже не понял. Только вот на всех встречах вокруг неё куча людей, которые... Ну, типа просто так там оказались. А стоит ей хоть пальцем шевельнуть – и каждый из них костями за неё ляжет.

Пашке по-прежнему не верилось: всё, что рассказывал Серёга, звучало как фантастика.

– Хорош придумывать. Клоуны, они же... Обычные гопники.

– Как бы не так, Лысяя. Обычными гопниками они были до появления Харли. Теперь под её руководством они внатуре держат весь Полтинник. Собирают бабло с ларьков и мелких магазинов, крышуют своих, чтобы менты не сцапали, устраивают общие сходки. Это уже не шпана дворовая – это мафия.

Выслушав его, Пашка выдала короткое и лаконичное:

– Пиздец.

– Во-во. Так что с ними вам дел лучше никаких не иметь. И Киру ты всё-таки передай, пусть потише будет. Да и сама... не появляйся тут больше. Харли тебя стопудово запомнила.

4

Возвращение домой было безрадостным.

Пошедший-таки дождь не сильно замочил Пашку: он начал хлестать вовсю, когда она уже добралась до своего подъезда, и теперь уже весь двор заволакивали дрожащие от капель лужи.

Палыча в округе почему-то давно уже видно не было. Иногда Пашка задумывалась, где он пропадает, но своих дел было по горло, чтобы беспокоиться о судьбе бездомного философа.

Дома были родители и, судя по дополнительным незнакомым ботинкам у порога, какие-то гости. Лысяя поспешила скрыться в своей комнате. Родственников, приходящих к ним, она не очень любила: они смотрели на неё, как на какое-то невиданное чудо. Ещё хуже, если они приводили с собой детей – хоть вовсе на стену вешайся.

Писем от Марьи ждать больше не приходилось, а это зачастую было единственным, ради чего Пашка спешила домой. Ей предстоял разговор с Киrom, и как его вести, как заставить Кира быть аккуратнее с Клоунами, было для Лысой загадкой. Ещё и неожиданное открытие, что Серёга с этими сволочами, мучающими животных, на короткой ноге – тоже, мягко говоря, не веселило. Радовал только Ладан, искренне довольный, что Пашка вернулась. Он вставал на задние лапы, виляя хвостом, прыгал, гремел о паркет, и настаивал, чтобы его погладили, в чём хозяйка, конечно же, отказать в этом «пёселю» не могла.

Снова гудела голова: ни с кем говорить не хотелось.

Пашка плотно заперла свою комнату, сунув между дверью и косяком специальную тряпку, для этого и предназначенную, переделась, нацепила наушники и бухнулась на вечно незаправленную кровать, врубив музыку погромче. Ладан, быстро поняв настроение хозяйки, запрыгнул на кровать, подставив под ноги Лысой мирно пыхтящую мохнатую спину. Были бы тут родители – возмутились бы, что собаку на кровать пускает. А Пашка иногда даже жалела, что Ладан не человек. Он был бы славным малым и отличным дополнением к её одиночеству.

Плеер подвёл: после агрессивной и энергичной «*Tear the sky*» он неожиданно поставил плавную и спокойную «*Weaknesses*». Пашка хотела, было, переключить, но большой палец замер, не пожелав нажимать на кнопку. Вспомнилась Марья – опять.

«Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа».

«Господи, отвали ты уже от меня...» – про себя взмолилась Лысяя.

Она наверняка обижена, и не пожелает с ней больше говорить. Это ведь даже к лучшему, учитывая, какая теперь Пашка. Да они даже толком друзьями не были, просто пару раз погуляли. И к чему вообще эти глупости? Какие-то письма на е-мейл, СМС, строки «Лилички»... Марья очень славная, у неё таких «друзей» наверняка полным-полно. А Пашка просто дура, напридумывала себе чего-то. Наверняка Марья просто из жалости все эти письма писала. Ну невозможно подружиться с кем-то вроде Пашки, если ты не отжимаешь у мелкоты телефоны и не расписываешь похабными надписями стены подъездов. Маяковский, тоже мне!

Лысяя не верила ни единой собственной мысли. Она старалась поверить, старалась убедить себя, но куда там! Те длинные письма, что ей писала Марья, были настолько искренними, что легче убедить себя, что земля – это небо, нежели поверить, что все они были ложью, или написаны из жалости.

К тому же... Пашка помнила её благодарный взгляд. Она была твёрдо убеждена: подделать можно было всё, что угодно, кроме взгляда. Можно изобразить добродушие или отзывчивость, можно насильно сложить челюсть в притворную улыбку, можно писать тёплые и благодарные письма, не имея ничего за душой. Но глаза лгать не умеют: они всегда говорят за хозяина, хочет он того или нет.

– Паши, ты сегодня сама не своя, – сказала Марья, и в её голосе скользнуло беспокойство. Они шли домой из школы. Пашика, только что трущая глаза, от такого заявления вздрогнула и даже немного покраснела.

– Аа, ээ... С чего ты взяла?

– Ты сонная. Не спала всю ночь?

Пашика поморщилась, но промолчала.

– Ну скажи, – попросила Марья, тронув её за локоть. Когда она просила таким тоном – отказать становилось невозможно.

– Мне кошмары снились.

В то время её действительно часто мучили плохие сны. Виноваты были, возможно, фильмы ужасов, к которым Пашика в то время ещё не притерпелась, или мрачные мысли – в её голове их всегда было достаточно. В кошмарах, правда, никогда не появлялось ни монстров, ни маньяков, ничего такого: они были совсем иного рода.

– Расскажи? – попросила Марья.

– Ну... Снилось, что выхожу из дома, а вместо знакомых людей вижу манекены с изуродованными лицами. Знаешь, как куклы из ужастиков. А я иду и думаю: мне нужно делать вид, что всё нормально, иначе эти манекены почувствуют неладное. Я ищу хоть одного человека, а вокруг одни манекены, только одетые как кто-то, кого я знаю. И иногда они останавливались, и как будто бы говорили друг с другом, но ни звука не издавали. Я побежала в школу, а там... Ну, сама понимаешь.

– Нет, – сказала Марья. – Не совсем понимаю. Там тоже были манекены?

– Ну... – Пашика замялась, не зная, как объяснить дальнейшее. – Если коротко, я прихожу, а там... Ну, короче ты тоже манекен. И это было стрёмно.

Марья немного помолчала, а затем спросила:

– Хочешь, я научу тебя плести ловцы снов?

Пашика вопросительно нахмурила брови.

... – Теперь завязываешь здесь узел, вот так, – показывала Марья.

Первый ловец снов у Пашики получался (по её мнению) каким-то нескладным. Марья не подавала виду, влетая в паутинку маленькие ракушки, разноцветные бусинки. Несмотря на то, что Пашика пыталась плести сама, иногда Марья придерживала нить, и их пальцы самыми кончиками прикасались друг к другу. Только из-за этого Пашика до сих пор не начала ворчать: пока такое происходит, пусть помогает сколько хочет. Пальцы у Марьи были мягкие и сухие, как подушечки на кошачьих лапках.

– А почему они так называются – «ловцы снов»?

– Индейцы верили, что они «ловят» в себя кошмары и плохие сны, оставляя тебе только хорошие.

– По-моему, ерунда. Иначе цены на них были бы просто дикие.

– Люди просто не знают или не верят, – пожала плечами Марья. – А от незнания и от неверия много плохого происходит. Может, так даже и лучше. Ну вот, видишь как красиво получается?

– Угу, – промычала Пашика для приличия, чтобы не расстроить подругу.

Первый Пашкин ловец снов до сих пор висел рядом со старой мореходной картой. К нему присоединились и другие, но он сильно выделялся: пластиковый зелёный обруч, тонкие нити, кое-как прицепленные ракушки и бусы. Её первый ловец был по-особенному неаккуратным, нескладным и несимметричным – в общем, одно сплошное «не». Именно это Пашика в нём и ценила. Что-то их с её первым «ловцом» точно объединяло... Не только недостатки, но ещё и Марья, в прямом смысле приложившая руку к его созданию.

Пашка любила думать, что на паутинке из нитей, помимо побрякушек, есть ещё и невидимые места, где соприкасались их пальцы.

Они ехали в электричке. Мимо на фоне пепельных облаков быстро поднимались и опускались провода, проплывали столбы, сменялись в бесконечной плёнке заросли, стройки, пустыри, посёлки и мосты.

Это был второй – и последний – раз, когда они с Марьей отправились просто так ездить по городским окраинам на электричке. Марья любила сидеть у окна и смотреть на плывущие за окном пейзажи, а Пашка, сидящая тут же, включала какую-нибудь музыку и тоже смотрела. Порой она замечала, что больше смотрит на свою подругу, нежели в окно, и принимала эту мысль как данность.

Пашка помнила, что в один момент в наушниках заиграла та самая «Weaknesses»: они ехали мимо какой-то станции. Марья опёрлась на подлокотник, положив подбородок на ладонь. Мизинцем второй руки, лежащей на сиденье, она что-то тихонько настукивала.

Заметив это, Пашка заметила также, что их руки лежат довольно близко. Совсем на миллиметр вбок, якобы случайно она подвинула свою руку, и, на мгновение поднявшийся мизинец Марьи опустился на её – и замер, не двигаясь.

Так они и ехали дальше, будто бы случайно сцепив мизинцы.

Глядя в окно поезда, Марья улыбалась.

Краем глаза она заметила, как открывается дверь. Кто-то очень сильно хотел попасть к ней в комнату и не пожалел усилий. Пашку кольнуло раздражение, а в наушниках – как назло – наступило затишье. Так что до неё донеслось чьё-то сюсюканье:

– Ну? Кто там? Тётя! Смотри, тётя! Тётя лысая совсем...

В единый миг злоба внутри Лысой вспыхнула до предела, настолько сильно и неожиданно, что та даже не успела задуматься о том, чтобы сдержать её. Обида и ярость вскочившей с кровати Пашки слились в один безумный крик:

– А НУ СВАЛИЛИ НАХРЕН!!!

Мамаша с ребёнком уже исчезли из комнаты (закрыв дверь ещё плотнее, чем было до этого), а обжигающая злость до сих пор продолжала пульсировать в мозгу настолько сильно, что снова закололо татуировку. Сжимая и разжимая кулаки, Пашка тяжело дышала.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Ненавижу!..

Глава 4. Илюшка

1

Синоптики, как водится, лукавили, обещая похолодания на середину июля. Ничего подобного: даже в тени было жарко, как на сковородке. Пашка никогда не любила мороженое, но сейчас не отказалась бы даже от него, если бы в её карманах водились хоть какие-то деньги. Неплохо бы и раздобыть, но подработки никакой нет, одалживать и влезать в долги не хочется, а с родителями отношения напряжённые. Искусно минуя пустыри, подверженные солнечным лучам больше, чем что либо ещё, Лысая с музыкой в ушах лениво бороздила знакомые до дыр улицы города, не в силах найти себе занятия.

Ей не было нужды просиживать штаны в интернете, Кир сегодня работал, а значит, в заброшке тоже никого нет – без него компания никогда не собиралась. Ни к кому в гости идти не хотелось, сидеть дома тем более. Поэтому Пашка, пролистывая треки, просто гуляла, размышляя о всяком. За час она встретила несколько одноклассников – город был небольшим, да и школа в районе всего одна – но особой радости ей это не прибавило.

Она шагала мимо двора, вокруг которого зачем-то возвели высокий решётчатый забор с домофоном, как вдруг заметила внутри ограждённой зоны мальчишку в майке и шортах, который стоял на коленях и шарил ладонями по земле: что-то искал.

Лет двенадцати, не больше, худой, как спичка, и загорелый! Настоящий цвет его кожи выдавали только белые полоски, проскальзывающие на плечах из-под майки. Волосы у него были чёрные-чёрные, густые и вьющиеся. Пашку мальчик, кажется, не видел.

«Ищет что-то?» – подумала Лысая, и взгляд её зацепился за что-то блестящее: большая десятирублёвая монетка укатилась за забор. Может, её он и искал?

Пашка подобрала монетку.

– Эй.

Мальчишка обернулся. Лицо у него было тоже загорелое, с проступающими веснушками.

– Это ищешь? – спросила Пашка, показав монетку.

Мальчишка кивнул.

Встал, отряхнул колени, подошёл, качаясь из стороны в сторону, словно чудаковатый пингвин, и протянул руку сквозь прутья. А вдруг это и не его вовсе? – подумала Лысая, всё равно отдавая монетку.

– Спасибо.

– Как ты её умудрился выронить? – спросила Пашка. Ей особо не было дела, но зачем-то дёрнуло спросить.

Мальчишка повёл худыми плечами.

– Я кидал её: орёл или решка.

– И как упала? – Пашка тут же поняла, что спрашивает глупость: ведь монетку в итоге подобрала она.

– Я не знаю. Ты ведь её нашла.

Мальчишка не «выкал»: Пашке это понравилось.

– Ну, допустим, что она на орла упала? – сказала она.

– Значит, иду пломбир покупать.

– А если бы на решку?

– Значит, эскимо. Вот только без неё бы не купил: мороженое дорогое. Ну так что, там всё-таки орёл был?

...К детям младше четырнадцати Пашка всегда относилась с неодобрением и каким-то внутренним напряжением, но этот мальчишка почему-то сразу внушил ей симпатию своей простотой и искренностью. Представился: звать Илья Шаравин, для своих Шарава, вон в том доме живу. Пошли со мной за мороженым?

Лысяя пошла, потому что больше идти ей особо было некуда: домой не хотелось.

– У моей соседки, – рассказывал Илюшка (как его мысленно назвала Лысяя) в пути до ближайшего киоска, – целая коллекция редких монет! Есть одна огромная, сторублёвая аж, представляешь?! Правда, сейчас такой не расплатиться...

Он говорил на удивление умно для своего возраста. И дело не в том, что именно он говорил, а в том, как он это делал: по-детски наивно, но с полной уверенностью, что собеседнику будет интересно всё, что он скажет. Никаких заморочек о том, что они только что встретились, никаких претензий к тому, что она лысяя – Илюшка просто говорил и всё.

– Какого года, не смотрел? – спросила Пашка, просто чтобы поддержать беседу.

– Двадцать восьмого вроде бы, – Илюшка пожал плечами. – Хорошая денга была, а? И никаких бумажек не надо: положил монетку в сто рублей, и покупай, что хочешь! А ещё у неё золотые монетки с Гагариным есть, и с Храмом-на-Крови. Мама говорит: юбилейные.

– Твоя соседка что, нумизмат?

– Да не, русская. Анька Гриб зовут. Знаешь её?

– Дурень, «нумизматы» – это люди, которые редкие монеты собирают, – беззлобно хмыкнула Пашка.

К её облегчению, Илюшка не обиделся на «дурня»: понял, видимо, что не всерьёз. А бывало, что некоторые обижались.

– Зачем их собирать, денги-то? – спросил он. – Если уж не пользуются, так отдали бы кому-нить. А так... Лучше бы картины коллекционировали.

– Есть специальные монеты, которые только для красоты сделаны. Ими не расплатишься, но они офигенно редкие. Вот их и собирают.

– Ну это другое дело, – сказал Илюшка, согласившись.

В киоске он купил на тридцать рублей большой пломбир в рожке. Предложил Пашке немного, но та вежливо отказалась. Когда он принялся есть лакомство, Лысяя ждала, что сейчас её поблагодарят и отправят восвояси, однако Илюшка делать этого не спешил.

– А тебя как звать? – спросил он.

– Павлена. Можно просто Пашка. Как мужское имя, только... не мужское.

– Аа. Так и знал, что ты девочка, – сказал Илюшка, как показалось Лысой, немного разочаровано. Та изумилась: неужели до этого не догадался? Да, наверное, по лицу её толком и не разберёшься, а в илюшкином возрасте на сиськи ещё не пялятся, вот и вышел казус. Но, для приличия немного обидевшись, ошетибилась:

– А в лоб?! Я хоть и девушка, но бью покруче некоторых!..

– Серьёзно?! – глаза Илюшки неожиданно загорелись, а рот, испачканный мороженым, радостно раскрылся. – Ты драться умеешь?! Круто!

– Умею, ещё как.

– Значит, ты сильная?

– Ну-у, – Пашка задумалась. – Поднять двоих таких соплежув, как ты, смогу.

– Сама ты соплежуй, – поморщился Илюшка.

Опасаясь, как бы на этот раз он всерьёз не обиделся, Лысяя решила сменить тему и спросила:

– А почему спросил, умею ли?

– Помощь нужна кое-с-чем.

...Илюшка привёл её в девятиэтажку, где, по его словам, жил какой-то его одноклассник, то ли Вася, то ли Ваня. Они поднялись на последний этаж, где мальчишка и продемонстрировал то, с чем ему требовалось помощь: вход на крышу.

Уходящая вверх на ещё один этаж железная лестница была закрыта прочной клеткой из красных прутьев. На двери от этой клетки висел чёрный монолитный замок. Пашка задрала голову: сверху, в сумраке чердака угадывались очертания люка, за которым, должно быть, и находилась крыша.

– Ты предлагаешь мне замок сломать? Извиняй, я тебе не дуболом...

– Не надо ничего ломать, иначе заметят, – сказал Илюшка торопливо. – Мы раньше сбоку залазили, вот здесь...

Он показал на боковую сторону клетки, и Пашка поняла, о чём он: между двумя красными прутьями виднелся довольно просторный зазор, перекрытый длинным куском арматуры, явно выделяющимся из общей картины. Его нижний конец вставили в обломки основания лестницы, а верхний – в торчащую из потолка тонкую полую трубку. Всё это художество, кажется, не приварили: кусок шатался, но сидел прочно. Это продемонстрировал Илюшка, попробовав покачать прут.

– Крепко вставлен, зараза. Мы с ребятами пробовали вытащить, но не смогли, сила нужна.

– Ну... Давай попробую, – сказала Пашка, взявшись за кусок арматуры...

Куда там ребятне – даже ей пришлось изрядно намозолить и испачкать ладони, прежде чем упрямая перегородка поддалась и вылезла из трубки. Со скрежетом вытащив ставший бесполезным кусок арматуры, Лыся вручила его Илюшке.

– Держи. Путь свободен.

Тот прямо засверкал:

– Вот круто!!! Давай залезем?!

– Ты думаешь, я с моей жопой туда пролезу?

– Туда кто угодно пролезет, главное знать, как! Давай, я тебя научу!

Пашка действительно без проблем пролезла в открытую дыру. Следом за ней юркнул Илюшка: ему, тонконогому и тонкорукому, было ещё легче. Так они и проникли на крышу дома по Профсоюзной.

...Пашке и раньше приходилось бывать на крышах – легче было вспомнить, куда их с Киром и компанией ещё не заносило. Однако так высоко, да ещё и в одиночку, она никогда не забиралась. Большая часть крыши была опутана проводами, так что двигаться порой приходилось, пригнувшись в три погибели. Но когда Пашка и Илюшка наконец дошли до края, им открылся чудный вид на город, переживающий лето и тонущий в зелени. Сквозь зелень эту то и дело пробивались трубы, антенны, крыши «сталинок», были видны дороги и проспекты, вдалеке угадывался невзрачный профиль домов Полтинника.

«Эх, сюда бы Марью – ей бы понравилось».

Спустя время, Пашка решила задать вопрос:

– И часто вы сюда лазили?

– Каждый день! – гордо сказал Илюшка. – Но потом нас спалили, и дырку заделали. Тут была наша база. Вон, даже надписи есть.

Пашка глянула: на кирпичной будке, в которой и располагался вход на крышу, действительно было несколько надписей, выведенных синим баллончиком. Подойдя поближе, она прочла:

Шарава

Анька

Бульбазавр

*Макс
Костет*

– Тоже мне «Тимур и его команда»... – усмехнулась Пашка. – Это что, вся ваша банда?
– Ага. Хочешь, позову их?
– Да мне без разницы, – Лысяя пожала плечами, разворачиваясь. – Ладно, я сваливаю. Аккуратнее будь! Чтобы если кто-то из вас шмякнется, на меня потом не катили, усёк, Шаравя?!

Илюшка засмеялся, и сказал, что «усёк».

– Эй, Паша! – сказал он, когда она уже присела, чтобы нырнуть в проход. – А почему ты лысяя?

«Чёрт, думала, не спросит, паршивец...»

– Захотелось мне побриться налысо, вот и всё, – ответила Пашка.

Глядя на неё, Илюшка-Шаравя улыбнулся.

– Ты крутая!..

Пашка хотела ответить ему какой-нибудь колкостью, но передумала, решив: пусть хоть для кого-то она будет крутой не из страха, а из простого человеческого уважения.

– Бывай, – сказала она, спрыгивая в проём.

...Выйдя из дома, она нашарила в кармане плеер, собравшись снова заткнуть уши, но ей снова что-то помешало: взгляд зацепился за валяющийся на газоне цветастый диск. Сам по себе он был редкостью, ведь сейчас повсюду были одни флешки. Подойдя, Лысяя нагнулась и подобрала находку. Обложка диска что-то ей напомнила.

«Unbelievable adventure of Chara»

Компьютерные игры, как таковые, Пашка никогда не любила, однако в детстве, когда она гостила у родственников, ей всё ж-таки пришлось один раз просидеть за одной игрой часа два или три: она затыгивала. Но, когда приехала домой, стало уже не до неё, и постепенно Пашка забыла про своё мимолётное увлечение. К тому же, она даже название узнать не удосужилась. Только теперь она вспомнила, взглянув на рисунок под броской надписью: девочка в синем платье с цветком в руке.

Пашка оглядела диск. Пара тонких царапин, но в целом, он, наверное, даже прочитается...

«Вот заняться-то тебе нечем. Домой что ли тащить его собралась?» – мелькнуло в голове у Лысой. Но та развернулась, направившись обратно к крыше...

– Эй, Шаравя! – крикнула она, сунув голову в проём. Илюшка подскочил на месте от испуга, обернувшись. – У тебя дома комп есть?!

2

Дома у Шаравы был почти новенький большой чёрный ноутбук, гудящий ровно и почти неслышно – не то, что тот старый компьютер, стоящий в комнате у Пашки, по своей громкости способный сравниться с каким-нибудь производственным цехом. Комната была слегка пустовата: то ли семья Шаравиных недавно сюда переехала, то ли Илюшка пока что не определился с тем, как обустроить собственное жилище. В комнатке два на четыре всего-то и было, что компьютерный стол, кожаное кресло на колёсиках (Лысяя обожала на таких крутиться), шкаф да заправленная кровать. На подоконнике стоял горшочек с каким-то плющом, рядом с ним – полупустая бутылка с водой.

– Это игра такая что ли? – спросил Илюшка, открывая дисковод.

– Ага. Мне просто интересно, запустится или нет.

Запустилась. Неизвестно, сколько времени диск пролежал на газоне, но, кажется, он не был повреждён. Открылось окно установки игры. Сердце Пашки радостно ёкнуло.

– А как название переводится? – спросил Илюшка, ёрзая в своём кресле.

– «Невероятные приключения Чары».

– Девчачья что ли? – насторожился мальчишка. – Я в неё тогда играть не буду...

– Ничего она не девчачья! И если не будешь – я себе диск заберу. Я просто у тебя проверить хотела, работает ли он вообще.

Пока игра устанавливалась, Илюшка гостеприимно предложил Лысой чаю, и даже принёс своей гостье два кривоватых бутерброда с колбасой и майонезом.

– Ну что, устанавливается? – поспел он нетерпеливо.

Пашка кивнула: пока мальчишка бегал, она заняла его кресло. В ноутбуке не шарилась, но покачивалась из стороны в сторону. На её полудохлой табуретке такая роскошь была непозволительна.

– А что за игра-то? – спросил Илюшка, наматывая на палец чёрную кудряшку возле щеки.

– Играешь ты там за девочку... Или за мальчика, как хочешь. Персонажа создаёшь сам. У тебя скелет похитил подругу, и ты должен пробраться в замок монстра, чтобы её спасти. Тебя сопровождает говорящий цветок, который ты можешь использовать, чтобы решать головоломки. Я дошла недалеко, там есть один уровень, он пиз... кхм, офигенно сложный. Не смогла его пройти.

Илюшка ничего не сказал: молча смотрел в монитор и ждал, пока игра установится.

– А почему «Приключения Чары»?

– Персонажа твоего так зовут. Типа, внешность ты ему сам создаёшь, но он всё равно будет Чарой.

...хоть Илюшка и обещал, что не будет играть в «девчачьи» игры, но «Adventures of Chara» его всё-таки затянула. Хоть и пиксельно-квадратная, но по-своему интересная, она привлекала даже Пашку, и дело было не столько в самой игре, сколько в сюжете: он будто бы задевал за какие-то невидимые, знакомые только ей, струны внутри Лысой. Обычно она не любила ностальгировать, но сейчас ей вспоминалось то чувство, когда она проходила игру впервые.

– Так, вот тут я помню: на краба не наступай, придётся драться... – подсказывала Лысяя, пустив Шараву на законное место.

– Угу, – кивал тот, легко справляясь с незамысловатым управлением.

– Ой! Я думал, там земля будет...

– Не-а, прыгать надо. «Пробел» зажимай, чтобы дальше прыгнуть.

– А водопад меня не снесёт?

– Не, проходи дальше. Вот этому парню ты можешь продать что-нибудь.

– Это что, говорящий сапог?

– Не сапог, а гриб. Он тебе ничего не сделает, бить не обяза... тельно. Ладно, просто собери с него всё, что выпало.

От звонка, разнёсшегося по всей квартире, двое подскочили.

– Это наверное кто-то из наших! – сказал Илюшка, побежав открывать. И как в воду глядел: привёл за собой толстенького паренька в круглых очках, футболке с героями какого-то мультфильма.

– П-привет, – не очень уверенно поздоровалась Пашка. Паренёк немного смутился от её вида, но поздоровался.

– Здрасьте...

– Бульба, это Паша. Паша, это Бульбазавр. Мы тут игрушку нашли, зацени, я пока чаю налью...

– Не парься, малой, – ухмыльнулась Пашка как можно более дружелюбно, – я не кусачая. Проходи, садись.

– Вы Илюшина сестра?..

– Можно на «ты», я всего-то лет на пять тебя старше. Нет, я просто мимо проходила...

– А что тут нужно делать? – Бульба поправил очки пухлым мизинчиком, устраиваясь в кресле.

– Ходишь на кнопки... – и Лыся повторила всё то же самое, что какое-то время назад разжевала Илюшке. Когда тот вернулся, Бульба уже успешно прошёл уровень, перейдя на другую локацию.

Не успел Шарава нормально включиться в процесс, как раздался ещё один звонок, но уже прерывистый.

– Это Гриб, наверное, – сказал толстячок, отрываясь от экрана. – Шарава, ты всех позвал?

– Ну да... Ох, мы же крышу открыли! – и Илюшка умчался открывать дверь.

Анька Гриб, которую все свои, как ни странно, называли по фамилии, была слегка худощавой девчонкой чуть младше Илюшки и Бульбы. Футболка на ней висела, длинные светлые шорты были измяты, а ступни белых носочков явно испачканы. Чёрные волосы Гриб заплела в косу, перекинутую через плечо.

– Зда-а-ра-австуйте, – быстро оправилась она, увидев чужое лицо в привычном коллективе. При виде Пашки, как уже водится, смутилась, не зная, как себя вести.

– Ань, это Паша, – поспешно представил Лысую Илюшка. – Паша, это Анька Гриб. Я тебе про неё рассказывал...

Анька Гриб сверкнула встревоженным взглядом: что ты про меня рассказывал?

– Ааа, так это ты нумизмат? – догадалась Лыся.

Анька Гриб смущённо махнула рукой.

– Да какое... Вот папа у меня да. У него огромная коллекция монеток. А я не только монетки, ещё и значки красивые собираю... А что вы тут делаете?

...Лыся не успела и оглянуться, как дома у Шаравы собралась вся его созванная компания. За Бульбой и Анькой Гриб пришли ещё двое мальчишек. Один непримечательный, в выглаженной рубашечке и с русой стрижкой «ежом», а второй —вылитый Кир, только лет на десять моложе, такой же развязный и своевольный. Он, кстати, единственный из всех отправился делать себе чай сам.

Собравшаяся компания оккупировала компьютер, погрузившись в прохождение игры, которую Пашка до этого надеялась оставить себе. Однако распрощалась с этими надеждами, так как было ясно, что, как только закончит играть Илюшка, диск переключает в руки остальных членов компании: «Adventures of Chara» завлекла всех.

– Так продай ему собачку! Только инвентарь занимает!

– Я задолбаюсь, она стоит дёшево, а в рюкзаке двенадцать штук...

- Дай я поиграю следующую локацию!
- Я за Бульбой занимал!
- Макс, у тебя чай остыл...
- Его что, обязательно убивать было?!
- Лучше полейся, тебя Снеговик грохнет сейчас...
- Это что, босс?!
- ...Из коридора послышались ритмичные щелчки. Илюшка подскочил на месте.
- Мама вернулась...

Пока он убежал открывать дверь (кресло занял Макс, тот самый «двойник» Кира), Пашка достала телефон и взглянула на время. Угораздило же её просидеть в компании малолеток до шести часов!..

Мама Илюшки была не очень высокой женщиной с усталым лицом и худыми руками. Как только Лысяя её увидела, она внутренне напряглась. Хотя и не в её привычках было судить человека по внешности, однако людей с подобным выражением лица Пашка очень хорошо знала: они смотрели на всё вокруг с выражением невероятной обиды, во всём искали для себя оскорбление, спокойно могли улыбаться и радоваться, однако одна оплошность могла превратить их хорошего друга в заклятого врага. Среди знакомых её матери такие были – например, тётя Люба, которая перестала разговаривать с Пашкой, когда узнала, что та проколола уши.

Проблема была в том, что то, как сейчас выглядела Пашка, являло собой самую большую оплошность.

– Здравствуйте, дети, – сказала мать Илюшки, появившись на пороге. Из нестройного хора приветствующих голосов Пашка поняла, что женщину зовут Вера.

Она перевела глаза на Лысую.

– Здравствуйте, – аккуратно поздоровалась та, даже голову немного наклонила. – Я Паша.

– Мы с ней на улице познакомились! – сказал Илюшка, взяв слово. – Она вон игру принесла...

– Илья, подойди сюда на минутку, – спокойно сказала мать, отходя в коридор.

По наступившей в комнате тишине и поутихшим возгласам ребят Пашка поняла, что веселье для неё закончилось. Прохождение игры продолжалось, но теперь все говорили вполголоса, и даже не спорили, уступив права на прохождение Максу. Про Лысую все забыли.

«Что ж, я и так надолго тут задержалась...» – подумала она, решив, что дождётся Илюшку, а там скажет, что ей уже пора.

Из-за закрытой двери комнаты раздавались приглушённые голоса. Почему-то особенно чётко донёсся голос Илюшки: «Да не скинхед она, мам!!!». Пашка смущённо почесала в затылке: кричи не кричи, этой женщине вряд ли уже можно было что-то доказать. Татуировки, пирсинг, лысина и браслеты зачастую сами за хозяина говорят. «Сама виновата, – подумала Лысяя, – нечего было в гости напрашиваться в таком виде... Как будто и правда скинхед».

Шарава вернулся в комнату весь молчаливый и понурый.

– Мне лучше уйти, да? – спросила Пашка понимающе.

Мальчишка кивнул, глядя в пол.

– Ты извини, пожалуйста, – говорил он уже в коридоре, стоя около двери в слишком больших для него тапках. – И спасибо за игру и... что крышу открыла. Ну просто мама у меня...

– Да не парься, – улыбнулась Пашка, махнула рукой. – Нормально всё. Здорово посидели. Ладно, я пошла. Давай лапу!

Илюшка пожал её руку своей крошечной ладошкой. По его лицу было видно, что он хочет что-то спросить, но стесняется. Угадав вопрос, Лысяя сказала:

– Нет, я не скинхед.

– Аа!.. – и Илюшка облегчённо заулыбался.

– Бывай, Шарава!

3

Обычно те, с кем Пашка знакомилась на улице, попадались ей редко, даже если до этого часто встречались, будучи незнакомцами. Но с Илюшкой вышло не так: они снова встретились на следующий же день.

Лысая ненавидела сидеть дома, когда было нечем заняться. Именно это и было причиной её частых бессмысленных прогулок по городу. Часто её сопровождал Ладан, но, когда пёс покинул пределы квартиры, он превращался в совершенно неуправляемое чудище. Всюду скакал, всё обнюхивал, лаял на машины, никого, конечно, не кусал, но некоторых истеричных бабуль пугали его размеры и невероятное жизнелюбие. Поэтому особенно Пашка любила, выгуливая Ладана, встречать на пути Хрыч. Мудрый пёс обладал невероятным запасом любви, поэтому даже на вредную старуху постоянно радостно гавкал и был доволен. Как и его хозяйка. А вот Хрыч всегда испуганно крестилась, говорила, что какой хозяин, такая и сука. Никакие доказательства того, что Ладан кобель, до неё не доходили.

... – Ух ты! – радостно сказал Шарава, когда Ладан, встав на задние лапы, с лёгкостью дотянулся до его лица и с интересом обнюхивал нового знакомого.

– Это Ладан, – сказала Пашка, дёргая на себя поводок. – Ты ему понравился. Что, опять монетку потерял?

– Да не, – мотнул головой Илюшка, показав пустой пакет, зажатый в руках. – В «Пятёрочку» иду. Пошли со мной?

– Пошли, чё бы нет... – Лысая пожала плечами. Гулять с кем-то или одной – для неё разницы особенно не было. А если она хотела куда-то идти одна, то помешать этому... смог, пока что, только один человек, но ему Пашка очки разбила.

К тому же, Шарава был неплохим пареньком: смыслёным, добрым и нисколько не бдловатым, к каким Лысая уже успела привыкнуть.

– Ну как, игру-то прошёл?

– Не-а! Застрял на уровне, где огромный краб-гамбургер. Как его пройти?

– Э тот... Бургерфунт?

– Не знаю, по-иностранному читать не умею.

– А вы английский в школе ещё не проходите?

– В четвёртом начнётся. Я пока что в третьем. А дашь его повести?

– Ну держи... На кнопку нажимай, и провод закрепится. Только далеко его не выпускай.

– Хорошо...

Обрадовавшись новому «руководству», Ладан тут же радостно запрыгал вокруг Илюшки, а затем, получив свою порцию ласкательных процедур в области загривка, облюбывал ближайшее дерево, принявшись совершать привычные для него дела.

– А тебе-то диск нужен? – спросил Илюшка. – Ты же вроде хотела его проверить и себе забрать.

– Ай, забей. Я ж не думала, что вам настолько понравится. А что, он уже в чужих руках?

– Угу, Бульбазавр его себе забрал.

– Забавное у него погоняло. Почему «Бульбазавр»?

– Ой, это целая история! Его зовут Кирилл, а фамилия – Артошкин. В первом классе часто смеялись, потому что, если сократить, получится «Картошкин». Он всегда обижался, когда его «Картошкой» звали. А во втором классе к нам парень из Украины перевёлся, Мишка Зверев. Он как-то услышал и сказал, что, мол, картошка по-украински – «бульба». А в одном мультике был такой герой, Бульбазавр. Вот Кирюха им и стал.

– Ни хрена себе... А у нас в классе, видимо, одни тупари были. Меня вон Рыжей постоянно звали.

– Почему?

– В смысле, «почему»? Потому что в первых классах я была рыжей. Ещё и вся в кудряшках. В один момент меня это зае... кхм, достало, и я побрилась. Меня стали звать Бритой. А потом... – она ухмыльнулась, постучав по лысой макушке, – сам понимаешь.

– И татуировку сделала? – уважительно протянул Илюшка.

– Татуировку-то недавно, в этом году.

– Больно было?

– Вообще да, она ещё и кровоточит какое-то время, прежде, чем зажить.

– А уши прокалывать?

– Тебе-то зачем?

– Просто интересно.

– Уши прокалывать тоже больно. Смотри, моему примеру не следуй. Увижу – уши надеру, будет ещё больнее.

Илюшка смущённо засмеялся, но ничего не сказал.

Им оставалось перейти дорогу и пересечь небольшой двор под сенью двух огромных деревьев. Поблизости не было ни светофоров, ни переходов, поэтому люди здесь предпочитали перебежать дорогу, пока машин не было. Подходя к ней, они болтали о друзьях Илюшки: тот рассказывал, как познакомился с Анькой Гриб.

Пашка ещё издали заметила стоящую прямо посреди дороги одноклассницу – одну из тех, что хихикали, увидев, как она болтала с Палычем. В коротком светлом платье, в тёмных очках, с ритмично ходящими из стороны в сторону щеками, перерабатывающими жвачку.

Первой мыслью было обойти её, но Катька что-то листала в телефоне, и, кажется, их не видела. Как не видела и машину, которая мчала ещё достаточно далеко, но останавливаться явно не спешила.

– Эй! – машинально крикнула ей Лыся, остановившись. Катька не услышала: к ушам от телефона протянулись тонкие белые проводки.

– Сука, – ругнулась Пашка, кидаясь вперёд...

Машина оказалась куда ближе, чем она думала.

Лыся с разбегу толкнула Катьку вперёд, и сама приняла жёсткий удар под рёбра. Тормоза машины закрипели, дыхание перехватило. Пашка рухнула на асфальт, схватившись за живот. В глазах потемнело, окружающие звуки на несколько долгих секунд смешались в невнятный шум.

То, что первое долетело до её ушей – это ругань Катьки.

– Ты чё, совсем ёбнулась, Лыся?! – кричала она, чуть не срываясь на визг. – Ты какого хуя творишь?! Я телефон поцарапала, тварь!!!

Пашка хотела ей что-то ответить, но смогла только выдохнуть воздух, стоя на четвереньках. Думала, что потеряет сознание – но обошлось, хотя боль была очень сильная. Сквозь шум в ушах она слышала, как уже Катьку материт что есть мочи водитель, как они переругиваются, как её поднимают на ноги, как беспокойно смотрит на неё Илюшка, как он что-то говорит мужчине...

Как уже позже объяснил Лысой Илюшка, водитель был хорошим знакомым их семьи, Валерием Санычем Селезневым. Он и отвёз пострадавшую Пашку в ближайший травмпункт. При осмотре ей сказали, что повезло: ребра не сломаны, но синяк останется большой. Постоянно извиняющийся Валерий Саныч (он же дядь Валера – со слов Илюшки) отчаянно материл Катьку, вставшую посреди дороги, чем и приглянулся Пашке. Хоть и взрослый, он казался адекватным и рассудительным: согласился отвезти Лысую домой, а на заднее сиденье пустил Илюшку с Ладаном.

– Совсем не соображают, – возмутился он, садясь за руль и заводя двигатель, – долбоёбы, встанут посреди дороги... Ты ведь ей жизнь практически спасла – а она за телефон переживает! Тьфу, блять... Ты, извини... Паша, да? Ну я тоже дурак, не затормозил вовремя...

– Бывает, – поморщилась Пашка пристёгиваясь. – Извинения приняты, забыли. Не подохла и нормально...

– Валерий Александрович, друг семьи Ильи, – представился водитель, пожав ей руку.

– Павлена. Можно просто Паша.

– Имя-то какое красивое...

Лысяя, смутившись, не нашла, что ответить: слишком уж редко ей кто-то говорил подобное.

Валерий Александрович, несмотря на её протесты, довёл Пашку вплоть до дверей квартиры, а затем, объяснив ситуацию, извинился перед её матерью, открывшей им. Увидев, в каком состоянии дочь, она тут же забыла про все их ссоры, возникавшие между ними: помогла раздеться, дойти до кровати и лечь так, чтобы не сильно болел синяк сбоку на животе. Приложила к нему пакет замороженного молока – самое холодное, что нашлось в холодильнике. На водителя она, кажется, не очень злилась, скорее разделяла его негодование по поводу остановившейся на дороге девушки.

– Спасибо вам большое. Может, пройдёте, я чай сделаю?

– Нет, спасибо большое, мне ехать надо... Этого молодца домой доставлять. Если требуется какая-то компенсация...

– Даже не заикайтесь! Вы и так помогли, я очень вам признательна.

– Ваша девочка всё-таки молодец. Не каждый бы спасать кинулся.

– Характер у неё не сахар, порой никакого сладу нет. Шипит, только слово скажи, да в комнате постоянно запирается, слушать никого не желает. Недавно родственники поздороваться пошли – так представьте, накричала и выгнала...

– У подростков часто такое, Маринсанна, – так звали Пашкину маму, – сами же знаете, возраст такой...

Больше Пашка не слушала: закрыла глаза, попытавшись уснуть. Почему-то снова подумала про Марью: она всегда думала про неё, когда было плохо на душе.

Уснуть у неё не вышло: в комнату, проводив гостей, пришла мать. Подвинула кресло к кровати, присела. Какое-то время молчала. Затем спросила:

– Сильно болит, Паш?

– Угу, – ответила та.

Ни язвить, ни ругаться желания не было.

– Валерий Александрович сказал, что ты молодец. Девушку спасла.

– Зря, наверно, вообще полезла. Пускай бы её сбило.

Пашка чувствовала медленно нарастающую злость на Катю. Действительно, она могла хотя бы поблагодарить её, вместо того, чтобы поливать матом.

– Не говори так, – с упрёком сказала мама. – Это осталось бы на твоей совести. Ты правда большая молодец. Я горжусь тобой.

– Ну спасибо. Вот только мне от этого не легче, – не сдержалась Лысяя, всё-таки сорвавшись на колкость. – Стараешься как лучше, а в итоге на тебя слюнями брызжут. И всё равно «молодец, Паш», «так и надо, Паш»... Да к херам мне оно не надо!

– Ну вот что я опять не так сказала? – мать всплеснула руками. – Ты можешь перестать ворчать на меня, хотя бы когда попадаешь под машину?!

– Ох, извините. У меня ведь «характер не сахар», со мной «сладу никакого нет».

– Ещё скажи, что это не так! Чуть что – сразу в рык, на тётю Таню наорала ни за что...

– Не хрен было...

– Паша!..

– ...заходить в мою комнату и сюсюкаться. Смотрят, как будто я зверь в зоопарке. Выбешивает.

– Ну а как им ещё на тебя смотреть? Иногда к тебе и подойти-то страшно. Выглядишь так, будто вот-вот кинешься...

– Ага, супер. Ещё на дверь табличку повесь «Осторожно, злая дочь!».

– С тобой совершенно невозможно разговаривать, – сказала мама, поднимаясь, – ты всё переиначиваешь на свой лад! Я стараюсь помочь, стараюсь понять тебя, а ты...

– Да ни хрена ты не стараешься, – тихо произнесла Пашка. Говорить громко ей не позволял приложенный к животу компресс из пакета молока, иначе она бы не смогла себя сдерживать. – Ты никогда не старалась, потому что давно бы поняла, как сильно я себя ненавижу.

– Меня? – не расслышала мать.

Пашка тяжело выдохнула, ничего не ответив. Закрыла глаза.

Выйдя из комнаты, мама плотно и неслышно прикрыла дверь.

4

На следующий день живот болел гораздо меньше – Пашка уже могла ходить, не держась за него. Вспомнила, что нужно предупредить Кира насчёт того, чтобы лишний раз не рыпался, и тут же набрала.

Ответил он неожиданно быстро.

– Кир, привет. Я поговорить хоте...

– Здоров, Лысяя. Слушай, ты как раз вовремя, помощь твоя нужна. У тебя дома есть бита или что-то такое?

Пашка подумала, что предупреждать уже поздно: кажется, Кир уже без её забот куда-то вляпался.

– Ну была где-то... Но я сегодня не в форме, меня машина вчера сбила.

– Слушай, ну тут дела очень серьёзные. Серёге я звонил, он не может, а с Сумчиком мы вдвоём не разурим...

«Значит, не меня одну приплёл».

– А что случилось-то? – спросила Пашка, вставая с кровати и ища глазами ближайшую футболку.

– Мне Вольный стрелу забил. Сказал, типа, приходи один. Я-то пойду, базару ноль, но за жопу свою стрёмно – если этот мудака братков каких-нибудь приведёт, то мне кранты. А вы с Сумчиком просто на стрёме постоите, на всякий пожарный.

Пашка припомнила, что Вольный – это, вроде бы, какой-то гопник с того же ПТУ, что и Кир, но на два курса старше. Кир рассказывал как-то, что у него богатый папаня, который часто вызволяет сына у ментов, когда тот к ним попадает. Это, в целом, всё, что она знала о Вольном.

– А ты на хера согласился вообще? Ты же знаешь, что он стопудово приведёт кого-нибудь... – впрочем, Лысяя и сама знала, в каком ключе Кир ответит. Между здравым смыслом и пантами на первое место он зачастую ставил панты – у многих своих друзей он снискал уважение именно за это.

– Я ж не ссыкло какое-нибудь, ты о чём.

Здравый смысл подсказывал ответить на это утверждение фразой «вот сам и разбирайся» и бросить трубку, но Лысяя понимала, что не может бросить своих единственных друзей, в какую бы передрягу они ни угодили.

– Ладно, поняла. Где встречаемся?

– Подходи к общежитию на Ленина. Мы там с Сумчиком, во дворе уже.

Ладан молчаливо и грустно смотрел, как она одевается. «Гулять сегодня не пойдём?» Пожалев пса, Лысяя присела на колени и потрепала его, обняв.

– Прости, пёсель, ты животное мирное, людей не кусаешь, так что не пригодишься. Я потом с тобой погуляю, хорошо?

Кир с Сумчиком облюбовали изрисованные качели, земля под которыми была усеяна бычками и мусором. Весь двор этого общежития вообще было трудно назвать оплотом чистоты.

Сумчик в своих мешковатых штанах выглядел как обычно, а вот Кир приоделся в спортивную (для крутости закатал рукава, чтобы были видны посиневшие татуировки), а на голову нацепил козырьком назад знакомую красную кепку. Ещё и рюкзак свой пыльный прихватил – едва ли он больше трёх раз появлялся с ним в стенах своего техникума. В руках у парней были бутылки пива, у Кира – почти допитая.

– Ну и, куда идём? – мрачно спросила Лысяя, пожав парням руки.

- За гаражи на Комсомольскую.
- Там же Полтинник совсем рядом...
- Кир с вызовом взглянул на неё.
- И чё?

Сколько она помнила Кира, он всегда таким был. Он завораживал Пашку тем, что любим трудностям, любим преградам, любим неприятностям он будто бы говорил всем своим видом: «И чё?». Не сказать, что его, Кирилла Останцева, совсем ничего не волновало – волновало, и ещё как! Но всё, что вставало на его пути, он воспринимал как вызов, и справлялся с этим собственными силами, чего бы это ему ни стоило.

Они и познакомились-то, когда к Пашке начали лезть два взрослых алкаша, предлагая всякое. Та уже сжимала кулаки, думая, кому из них первому врезать, когда неожиданно появился Кир: вступился за неё, загородив, а алкашам сказал, чтобы проваливали. Те разозлились, у одного в руках до сих пор была бутылка – он, недолго думая, превратил её в «розочку». Тут-то Пашка и отодвинула Кира в сторону и отлупила двоих пьяниц так, что убежать они никуда не смогли – так и остались лежать на земле. Останцев смотрел на неё в тот момент с неподдельным восхищением.

- Ни хера себе, – сказал он. – Вот ты лупасишь, бритая!
- На тот момент Пашка ещё такой была. Ухмыльнувшись, она сказала:
- Всё равно спасибо, пацан. Что вступился.
- Не, ну а чё они, – хмыкнул парень. – Меня Кирюха звать. А тебя как?

В то время это был всё-таки немножко другой Кир: хоть и «вечно молодой, вечно пьяный», но не успевший ещё обидеться и распрощаться с детским идеализмом, и каким-то собственным чувством справедливости. Тот, в чью спину сейчас смотрела Пашка, был таким же упрямым, таким же задиристым и скорым на решения... и всё же, каким-то другим. В чём именно состояло отличие, она так и не выяснила.

Пока они шли до Комсомольской, Кир объяснил, в чём дело. С его слов выходило, что он, такой белый и пушистый, гулял по району, как вдруг наткнулся на идущего впереди Вольного, который (неожиданно!) начал к нему докапываться, мол, «чё-то странно ты выглядишь, с какого района будешь, я тебя раньше не видел, чё ты на меня так смотришь, чё ты бычишь». Кир прекрасно знал, кто перед ним, и когда ему уже забивали «стрелу», сказал: ты, Вольный, та ещё падла, я тебя знаю, братву на разборки приведёшь, так что хер тебе, а не стрела. На что Вольный ответил: слово пацана даю, приду один, и ты тоже приходи, разберёмся по-пацански. Проблема была только в том, что все в округе знали, что Вольный на «слово пацана» всегда клал и будет класть огромный болт. И Кир тоже знал. Видимо, с такими вещами он просто не привык спорить, но понимал, что, скорее всего, он вляпался – поэтому и позвал Лысую с Сумчиком.

- Мдааа, – протянула Пашка. – Ты же понимаешь, что это ничем хорошим не закончится?
- Мне насрать! – сказал Кир с чувством, и Лысой вспомнились его пьяные попытки произнести тост на вписке, а затем... всё, что было после. Она поморщилась. – Я гадом буду, но въёбу ему в рыло, чтобы место своё знал.

Переубеждать Кира было бесполезно. Попросив у Сумчика пиво, Пашка также немного хлебнула, но тут же поняла, что бесполезно: ей было как слону дробина.

– А чего Антона не позвал? – спросила она, вспомнив Говнаря. Про Простынева не спрашивала: «стрелки» явно не были его стихией.

– Он сказал «не пойду, сам разбирайся». Надо будет потом к нему зайти, пусть пояснит, какого хуя...

- «Во дела. Неужели, всерьёз на Говнаря обиделся?»

Вскоре те самые гаражи близ Комсомольской замаячили впереди. Насколько помнила Лысая, площадь внутри них представляла собой квадратное пространство с двумя выходами в противоположных углах. С высоты рядом это пространство летом видно не было – скрывала густая листва деревьев, растущих снаружи гаражей.

– Я пойду первым, – сказал Кир, когда они подошли к одному из проходов. Насколько позволял обзор, пространство посреди гаражей пока что пустовало. Прямо посередине квадрата стояла невысыхающая серая лужа.

Кир достал из рюкзака биту и закинул её на плечо, рюкзак бросил Сумчику. Тот поймал, взглядом спросив, что он собирается делать.

– Просто стойте здесь и ждите. Если чё – выручайте, в сумке ещё биты есть, – сказал Кир, двинувшись вперёд. Лысая и Сумчик смотрели ему в спину.

Пашка подняла глаза в небо: недавно миновал полдень. Над ними собирались пепельные неприятные тучки. Это лето получалось то непомерно жарким, то чересчур дождливым.

Вскоре Вольный появился – и кажется, действительно один. Зазвучали его и Кира негромкие голоса. Даже не слишком было похоже на стрелку, эти двое будто бы поговорить сошлись.

Сумчик вопросительно показал Пашке два пальца у рта – есть ли сигареты? Та выудила из куртки пачку и протянула её Сумчику. Тот закурил.

– Скорее бы, – сказал негромко и замолчал. Не хотелось, видимо, влипнуть в неприятности из-за Кира.

Подойдя к самому углу, Лысая обратилась в слух: стало интересно, о чём говорят эти двое. Напрягшись, она кое-как разобрала:

– Так это ты был? – спрашивал Вольный.

– С хуя ли это я? Ты ничего не докажешь.

– Ты просто скажи, ты его арматурой ёбнул?

– Я вообще не ебу, кто он, ясно?! Мне насрать...

– Ты в курсе, что этот пацан в больнице умер?

– Мне насрать! – сказал Кир уже громче, и Пашка похолодела, поняв, о чём они говорят. Теперь она была не уверена, что всё действительно было так, как им описывал Кир. Вот только откуда Вольный знал того боксёра?

– Слушай сюда, мудозвон, – медленно проговорил Вольный, подходя к Киру. – Просто сожми яйца в кулак и признайся. Ты пацана завалил?

– Я его не убивал, – сказал Кир в тон. – Я не знал, что он сдохнет. Ебанул, чтобы он не залупался, на кого не следует.

Наступила тишина. Пашка осторожно выглянула из укрытия.

Кир и Вольный стояли друг напротив друга. Вольный был немного ниже его, поэтому смотрел снизу вверх, одетый в чёрную с белыми полосами куртку и длинные шорты, достающие до колен загорелых волосатых ног.

– Так ты чё, из-за него мне стрелу забил? – спросил Кир спокойно. – И хуле ты мне сделаешь?

Вольный медленно сунул руку во внутренний карман куртки и так же медленно достал оттуда чёрный пистолет. Сжал его в руке – и направил на Кира.

– Он моим другом был.

Тот отшатнулся. В глазах его мелькнул страх.

– Стой на месте, – сказал Вольный тихо.

Лысая рванулась на них из укрытия, но Вольный заметил её первым, взревев:

– СТОЯТЬ!!!

И она замерла, подчинившись приказу: пистолет был направлен в лицо Киру, ствол упёрся в переносицу. Вольный смотрел одичавшими глазами на неё, на Кира, и снова на неё. Кир тяжело дышал, стоял, не двигаясь.

– Ствол опусти.

– Ты, мразь, друга моего убил. Ты, блядь, думаешь, я это забуду, а?!

– Убери пистолет, мудила, – сказала Лысяя как можно более спокойно (сердце колотилось как бешеное), – в колонию загремишь. Нахер тебе это надо. Остынь.

– На колени вставай, выродок, – произнёс Вольный, сжимая в пальцах пистолет, – на колени вставай и ноги мне лижи, урод.

– Ты ебанулся...

– НА КОЛЕНИ!!! – взревел Вольный.

– Кончай, пацан, – снова попыталась заговорить ему зубы Лысяя, – сейчас менты приедут, тебя от такой хуйни никто не отмажет...

– Пасть заткни, шлюха. Нихуя мне не будет, у меня батя олигарх. А если и будет – насрать мне, главное, чтобы урод этот...

– Не убивал я его, ясно тебе?! – крикнул ему Кир. – Я не знал, что он сдохнет! Слово пацана даю!..

– Я тебе сказал: вставай на колени.

– Кир... – негромко произнесла Лысяя.

Они встретились глазами. Она с сожалением кивнула: «Делай, что он говорит».

Кир медленно согнул колени, опустил их прямо в лужицу воды: по ней пошла рябь. Вольный приподнял ствол – и, поймав момент, пока он отвлёкся, Пашка ринулась на него, стремясь отбросить его руку от Кира.

До Вольного было меньше метра, но Лысяя двигалась будто бы в замедленной съёмке. Гроыхнул выстрел, и всё вокруг будто бы сотряслось в едином звуке. Крик замер у Пашки на губах.

В лужу дождевой воды брызнула кровь.

Глава 5. Боль и смелость

1

Пашка помнила всё настолько смутно, будто была пьяна – а те отрывки, что всё-таки запомнила, изо всех сил старалась забыть. И чем чаще старалась, тем чаще они навещали её сны.

Никого и никогда она не была так сильно и остервенело, как в тот момент – Вольного. Всё его лицо было изувечено в мясо, руки были переломаны, всюду – кровь. Это Лысой хорошо запомнилось. Ещё запомнился неожиданно громкий голос Сумчика, что-то кричащий в трубку: он вызывал скорую, сидя рядом с Киrom. После этого Сумчик приказал Лысой свалить: вид у неё в тот момент был совершенно безумный. Если бы приехали менты, то она стала бы первой подозреваемой.

Она не помнила, что происходило, когда она вернулась домой. Не помнила, как умудрилась вымыться, чтобы не запачкать кровью постель. Не помнила, что говорили ей родители. Лишь когда пришла мать, Пашка не выдержала и заплакала бессильно и отчаянно, как не плакала никогда. Она ничего никому не могла объяснить, впала будто бы в долгий анабиоз.

Лысяя не знала, сколько проспала, но проснулась глубокой ночью. Почти что инстинктивно проверила вибрирующий телефон. В горле, в глазах и в голове было ужасающе сухо.

Звонил Сумчик.

Пашка взяла трубку, но ничего не смогла сказать, приложив телефон к уху.

– Их отвезли в больницу, – сказал Сумчик коротко.

Лысяя с трудом пересилила себя. Спросила, положив ладонь на глаза:

– Он жив?

– Нет, Паш. Скорая поздно приехала.

Лысяя бессильно выпустила телефон из пальцев: он со стуком упал на пол.

Она крепче закуталась в одеяло, спрятавшись по самую макушку.

Кир... умер?

Такого просто не могло произойти, – твердила она себе. Не мог этот парень умереть. Пусть даже от пули. Может, у Вольного был простой травмат? Откуда у него настоящий пистолет? Может, рана была не сильная? Может, его успели спасти? Может, он жив, просто состояние тяжёлое? Может, Сумчик ошибся?

Следующие несколько дней Пашка из дома никуда не выходила.

За окном отцветали лучшие дни июля, как назло, солнечные и ясные. Пашка, когда не спала, смотрела на них пустыми глазами, и ни о чём не думала. В голове – будто шаром покати. И так было даже лучше, потому что когда мысли приходили, они, словно разъярённые пчёлы, начинали царапать изнанку черепа, царапали настолько сильно, что постепенно въедались в него, прорастая снаружи короткой и жёсткой рыжей шерстью.

Пашка ела, когда родители приносили ей в комнату еду. Она что-то им негромко отвечала, когда они задавали вопросы. Внутри Лысой будто бы высохла в один миг вся злоба и ненависть: взрывоопасный газ испарился, оставив себя прожжённую, сухую пустыню. Мать что-то говорила про то, чтобы сводить Пашку к психологу, но отец, вникнув в суть дела, сказал, что не стоит зря тратить деньги: ей просто нужно переварить произошедшее.

Когда Лысяя вернулась в сомнительную невесёлую норму, уже наступил август.

После исчезновения Кира компания больше не собиралась. Несколько раз Пашку по отдельности навещали ребята, и каждый из них говорил, что вместе они тусить больше

не могут: будто бы чего-то не хватает, и даже поговорить не о чем. Они собираются, обмениваются парой фраз, а потом... все просто молча расходятся.

«Что теперь с Лизком будет?» – думала Пашка иногда. Лизок единственная её ни разу не навещала. Сказал ли ей вообще Сумчик о случившемся? И смог ли он подобрать нужные слова? Как она переживёт смерть своего возлюбленного кумира, которого ей не стоило сотворять?

...Пашка потеряла счёт дням недели и числам месяца. Она лежала, глядя в пустоту, когда из коридора послышался звонок в дверь. Судя по тишине, никто не пошёл открывать. Никого нет дома?.. – лениво подумала Лысая, перекатываясь набок, чтобы упасть с кровати.

Позвонили ещё раз. Около входной двери суетливо заскрёбся Ладан, значит, родителей дома не было точно. Кое-как переставляя ноги, Пашка прошла по коридору, в каждом шаге ощущая нежелание говорить с кем-либо, включила свет в прихожей и заглянула в глазок. Ничего не спрашивая, отворила дверь, и увидела на пороге Илюшку и Бульбазавра.

– Привет! – сказал Шарава серьёзно.

Пашка протёрла глаза, вспоминая, кто эти дети и как они узнали, где она живёт.

– Ну привет, – сонно произнесла она, потирая глаза. – Что-то хотел?

– Да диск вернуть... Бульба, у тебя он?

– Угу, – Бульбазавр достал из кармана курточки диск, завернутый в прозрачную пузырчатую упаковку. – Я её до Пса-Крушителя дошёл... Дальше не смог.

– Да и никто из нас не смог! – пожаловался Илюшка возмущённо, как будто это Пашка была виновата в том, что один из последних боссов оказался настолько сильным. – Как его победить?! Паш, скажи, а?!

Лысая почесала в затылке. Настроения не было совершенно никакого, но диск она всё же взяла. Посмотрела на часы в коридоре: тринадцать после полудня.

– Значит так, ребятня, – сказала она, припомнив, что в своё время Илюшка разрешил ей воспользоваться компьютером, и даже позволил немного погостить, так что настала пора вернуть должок. – Давайте так: я даю вам сотку, а вы сгоняете и купите мне что-нибудь попить. Пока бегаєте, игра как раз установится. Пойдёт?

Илюшка с Бульбазавром радостно согласились.

Поставив игру на установку, Пашка приступила к уборке своих небольших хором: это было одной из причин, почему она отправила пацанов «погулять». Она скидала в шкаф валяющуюся всюду мятую одежду, прибрала постель, стёрла со стола слой пыли, отодвинула огромный угловой кусок дивана, стоящий посреди комнаты, туда, где он не мешал. Отыскала под ним потрёпанного плюшевого зайца, с которым изредка любил развлекаться Ладан, и выпнула его прочь (пёс радостно ускакал за ним вслед). Она быстро устала, но всё равно продолжала чем-то себя занимать. *Мысли* до сих пор изредка мучили её, но теперь сознание будто бы огрубело, и теперь равнодушно принимало все их царапины и порезы.

Пашка отыскала свою старую гитару.

Она помнила, что эта малышка до сих пор прячется где-то в комнате, но не придавала этому значения. Давно не было желания что-нибудь сыграть, но теперь, кажется, удивившись находке, Пашка стряхнула пыль со струн, перехватила гитару, уселась на кровать, скрестив ноги по-турецки. Прикоснулась к тугим струнам, немного подкрутила колки.

Более-менее сносно играть она умела только одну мелодию, и то не всю. Побренчав какое-то время, она с трудом вспомнила начало. Сбившись несколько раз, заиграла, тихонько напевая.

*– I walk a lonely road
The only one that I have ever known*

*Don't know where it goes,
But it's home to me and I walk alone...*

Интересно, Кира уже похоронили? Какая у него была семья? С кем он жил, о чём думал в те моменты, когда глаза его глядели в пустоту? Как он вёл себя, когда оставался один?

«Я никогда не узнаю этого, чел, – мысленно обратилась к Киру Лыся, перебирая струны с закрытыми глазами. – Я, может, не должна была тебя пускать. Должна была вцепиться изо всех сил, чтобы ты не шёл на ту встречу с Вольным. Я единственная тогда могла что-то сделать, но просто стояла и смотрела...»

*– My shadow's the only one that walks beside me
My shallow heart's the only thing that's beating...*

Сумчик рассказывал, что приехавшие врачи вызвали ещё и ментов. Он наврал им с три короба, мол, увидел, как трое пацанов дрались между собой за гаражами. Одному досталось, другой оказался застрелен, третий сбежал, ни лица, ни одежды не помню. Сумчика долго держали в ментовке, составили с его слов какое-то заявление и отпустили, когда взяли отпечатки пальцев и сравнили их с теми, что были на пистолете. Жестоко избитому Вольному, возможно, грозил срок, но его судьба Лысую отчего-то нисколько не волновала.

Не сказать, что в конце концов Пашка превратила свою комнату в оплот чистоты и порядка, однако Илюшка с Бульбазавром, принёсшие из магазина двухлитровую бутылку оранжевой газировки и пакет чипсов, ничего ей не сказали. К их приходу игра была уже установлена, так что Пашка с головой погрузилась в пройденные ей давным-давно «Adventures of Chara». Само прохождение, если игрок был знаком с правилами и сюжетом, не занимало много времени, поэтому примерно за полтора часа Пашка добралась до того самого Пса-Крушителя, которого ребята не могли одолеть.

– Короче, перед боем берёте... и выкидываете Цветок из инвентаря.

– В смысле?! – ахнули ребята.

– А чем драться тогда?.. – спросил Илюшка.

– Ты что, не знал, что кулаками там тоже можно?

– Но Цветок же больше бьёт!

– Только не по Псу-Крушителю. Типа, он же по сюжету на этот Цветок озлоблен, что он тебе помогает, а потому Чаре от Пса урона больше наносится. Надо выкинуть Цветок, и тогда всё будет пучком.

Пиксельный Цветок показал грустный смайлик.

«Чара, мы же... были друзьями».

Пашка нажала на окошко «Всё равно выбросить» – и Цветок исчез из инвентаря.

– Вот теперь можно и драться... Хотя эта зараза всё равно будет больно бить, но уже не так сильно.

Ребята уважительно молчали, наблюдая, как она расправляется с Псом-Крушителем: огромной тёмно-синей шипастой собакой с длинной шеей.

Пёс-Крушитель после двух-трёх попыток оказался побеждён, а домой первой вернулась мама. Заглянув в открытую дверь, она не без удивления обнаружила в прибранной (!!!) комнате Пашки ребят, доедающих чипсы.

– Привет, мам, – поздоровалась хозяйка комнаты прежде, чем ей успели задать какие-то вопросы. – Это Илья и Кирилл. Они поиграть зашли...

– Илью я помню, – сказала мама, улыбнувшись. – Он несколько раз забегал к нам, спрашивал, как твоё здоровье.

Пашка, немало смутившись, опешила.

– Серьёзно?! И вы ни слова не сказали?

– А я говорила, – сказала мама немного расстроено. – Ты, видимо, не услышала...

– А ты чего молчал? – спросила Пашка Илью.

Тот пожал плечами.

– Я думал, ты знала, просто занята была...

– Так, молодые люди, вас Паша накормила чем-нибудь? – спросила мама.

Илюшка и Бульбазавр вразнобой ответили, что поели чипсов, на что мама Пашки, горестно вздохнув, сказала, что нельзя так безответственно относиться к гостям, и отправилась на кухню жарить картошку.

– Хорошая у тебя мама, – шёпотом сказал Илюшка, когда она вышла.

Пашка хмыкнула.

– Ага, при гостях-то да. Но характер у неё не сахар.

Оставив ребят у гудящего компьютера проходить остатки «Приключений Чары», Лысая улеглась на кровать и нацепила наушники. Послушала, как нормальные люди играют «*Boulevard of broken dreams*», а следующей песней неожиданно включилась «*Powerful*»: плавная, спокойная мелодия. Пашка слушала её, глядя в потолок, на кухне вскоре начала скворчать на сковородке картошка. Папа, придя домой, подивился, что у неё гости, с обоими парнями поздоровался за руку, посмотрел, как они проходят лабиринты и ушёл по своим делам. И именно в этот момент Лысая подумала, что... кажется, всё начинает налаживаться.

Кира не вернуть, события вспять не обратить и ничего не поделать: Пашка знала, что ещё какое-то время будут молчаливые слёзы в подушку и угрызения совести, от которых хоть на стену вешайся. Однако именно в этот момент, когда в наушниках играла приятная мелодия, а рядом были друзья и семья, именно этот момент показался ей отправной точкой, когда жизнь после страшного события постепенно войдёт в привычное русло.

Завибрировал телефон. Сняв наушники, Пашка взглянула на него и подскочила: судя по номеру, звонила Марья.

2

Марья никогда не была смелой, сколько сама себя помнила.

Тогда как окружающих людей подобное, кажется, не слишком волновало, она всегда хотела быть храбрее, чем была на самом деле. И дело не в том, что ей хотелось подвигов, опасностей, приключений и всего прочего: просто Марья ненавидела трусить, пасовать перед чем-либо, и вообще чего-то бояться. Несмотря на эту свою ненависть, боялась она регулярно. До жути, например, испугалась паука, который за ночь сплёл в углу ванной паутину: прибежала, разбудила сестру и слёзно умоляла её «договориться» с пауком, чтобы он ушёл. Идя однажды вдоль Невского, испугалась компании строителей-таджиков, так что ей пришлось делать крюк аж через предыдущий мост, чтобы обойти их. Однажды Марья даже пряталась от учителя по литературе, с которым у неё были нелады на основе частых расхождений во взглядах (в тот день Виктор Семёнович Липатов, говорят, был зол, как чёрт, вот она и пряталась). Конечно же, она никому не говорила о своём желании стать храбрее, потому что знала, что среди всех её знакомых бояться чего-то – вообще обычное дело.

Но каждый раз, засыпая у себя в комнате, Марья думала о собственной слабости.

«Страх перед чем-то – совершенно обычное дело, но ты станешь во много раз сильнее, если переступишь через него» – прочитала она давным-давно в какой-то книге, и с тех самых пор почитала это изречение за истину. Но сказать куда проще, чем сделать!

Проснувшись в то субботнее утро, когда не нужно было в школу, она твёрдо решила, что именно сегодня сделает это!

Только вот...

«Отъебись».

Всю уверенность как рукой сняло, и Марья, тоскливо вздохнув, бухнулась на кровать, глядя в короткое сообщение на экране телефона. Что же могло произойти за такое время? Что такого сделала Марья, что *она* обиделась?

«Мне нужно ей позвонить. И спросить прямо, – убеждала она себя, – так с людьми не поступают. Может, она надумала себе чего...»

Большой палец никак не хотел нажимать на кнопку вызова. Пересилив себя, Марья зажмурилась, нажала её... и тут же сбросила вызов, отшвырнув телефон прочь:

– Не могу!!!

...Она поспешно вытерла глаза, принявшись за бесполезную уборку рабочего стола. Ноутбук, оставленный на «сне», по-прежнему показывал неотправленное длинное письмо. Десятки раз Марья его переправляла, перечитывала и снова переправляла, но отправить всё никак не решалась.

– Ты что шумишь? – заглянула к ней в комнату сестра, видимо, услышавшая звук падения телефона.

– Ничего, – поспешно ответила Марья, отвернувшись. – Телефон уронила.

Аня поглядела на валяющуюся у неё под ногами «Нокию», присела и подобрала её.

– Тебя что, парень послал? – изумилась она, прочитав открытое сообщение.

Марья в один миг залилась румянцем, бросившись на неё. Аня, вовремя закинув руку вверх, не позволяла сестре дотянуться до телефона.

– Ну-у? Кто он, скажи?! – допытывалась Аня, ловко увёртываясь от рук Марьи. – У вас с ним что-то было?

– Это не парень! – возмущалась Марья, пытаясь достать телефон. – Это подруга моя!

– Подруга? Подписано же «Паша»...

Сжалившись, Аня отдала ей телефон. Надувшись, Марья прижала его к груди, и отвернулась.

– Маш, ну скажи, – попросила Аня уже без насмешки. – Кто этот Паша такой?

– Никто.

– Ага, «никто», вижу, как краснеешь.

Марья покраснела ещё больше.

– Это правда подруга. Её Пашей зовут.

– Аааа, – как ей показалось, в голосе Ани прозвучало некое разочарование. – Ну а чего краснеешь тогда? Ты сильно расстроилась? Из-за чего вы поссорились?

– Я... не знаю, – Марья, положив телефон на стол, плюхнулась на кровать, опустив голову. – Мы с ней дружили ещё в той школе, пока сюда не переехали. Переписывались, а потом... – она замолчала.

Прикрыв за собой дверь, Аня подошла и присела рядом с сестрой, приобняв её за плечо.

– Маш, ну не грусти. Просто позвони ей да спроси.

– Звонить дорого. Я пыталась написать, но... – Марья горестно вздохнула. – Не могу подобрать слов. Я не знаю, вдруг она прямо сильно обиделась.

– Ты и не узнаешь, пока у неё не спросишь. Давай так: обязательно до сегодняшнего вечера позвони ей, хорошо? Или хотя бы напиши сообщение. Но лучше позвони – так вернее.

– Я бою-у-усь! – не выдержала Марья. – А вдруг она...

– Вот если «вдруг», тогда и будешь горевать, – рассудительно сказала Аня. – Обязательно позвони! Иначе ты на всю жизнь останешься тряпочной трусихой.

Последние слова сестры засели в голове и никак не желали уходить. Неизвестно, знала ли Аня про её позорную слабость, но она попала в самую точку: Марья чувствовала, что должна что-то сделать. Написать или позвонить (лучше позвонить, добавляла она каждый раз).

Над городом светило погожее солнышко: мелькало в стёклах машин, скакало по крышам домов, мешало нормально разглядеть экраны телефонов, в общем, атаковало Питер со всех небесных фронтов.

Марье нравилось.

Пройдя пару кварталов, она встретила Наташку Ивонину, тоже довольную донельзя: та увлекла её до подземного перехода, где пели под гитару знакомые ребята. Постояв какое-то время с ними, и даже кое-что спев, Марья отправилась дальше. Спугнула несколько голубей, сыграла партию в шашки с интеллигентным бородатым дедушкой (представился: Максим Андреевич Гармаш, и даже дал номер телефона). Пройдя сквозь небольшой сквер, случайно наткнулась на проходившие среди деревьев бесплатные курсы каллиграфии, собирающие добровольцев – и потратила на них час, лишь бы уйти с красивым иероглифом, нарисованным ей же на тонкой белой бумаге. По какому-то наитию, этот лист она прикрепила к потрёпанной доске объявлений на остановке.

Иероглиф вроде бы означал «страус».

Сидя в грохочущем жёлтом изнутри вагоне метро, Марья задумчиво смотрела в телефон. «Отъебись».

«Сдалась она мне? Сдалась я ей? У неё, наверное, полно друзей, а я так далеко... Может быть, из-за этого? Не стоило ей тогда звонить.»

Марья снова попыталась напечатать какое-то сообщение, но оно не отправилось: сети в метро не было. Пока она не появилась, Марья поспешно удалила и стёрла всё, что напечатала.

Вышла она на Петроградской, решив пойти дальше, куда глаза глядят: Питер большой и занятия для маленькой неё здесь точно найдутся. Она направилась к эскалатору, искусно обойдя молодого парня с усталым выражением лица, предлагающего проходящим «планшет недорого». На поверхности начинали собираться вместе облака, но пасмурно пока что

не стало – Марью это порадовало. В районе этой станции она бывала редко, одноклассники предупреждали, что станция одна из самых загруженных в час-пик. Хорошо, что до него пока что было долго. Больше всего её тянуло к набережной, и, легко найдя к ней путь, Марья свернула от шумных машин, скатилась по гладкому перильцу и отправилась вдоль Карповки.

Она точно знала, как называются петербургские реки, потому что очень любила карты. Отец её был геологом, так что в этой области их интересы несколько сходились. Марья долго сидела над картой Питера, но всё запомнить так и не успела. Точно знала, что спустя несколько домов и долгую-долгую парковую зону Карповка вольётся в Неву, а под ногами вырастет длинный Гренадёрский мост. Но пока что всё, что интересовало Марью – это примостившиеся в узенькой речке катера и лодки самых разных мастей, моделей и размеров: самая настоящая водная парковка. Все они пустовали, а Марья шла мимо них и думала, что было бы здорово взять один такой и отправиться в бесконечное путешествие, набрав команду из доверенных людей. Она бы взяла туда Наташу, которую сегодня встретила, Ромку Подгорного – уж очень здорово он знает всякие «морские» песни, пусть и современных исполнителей, да и вообще он ничего такой. Можно было прихватить Маринку, только у неё, наверное, экзамены, не согласится... Они бы завели большого белого пса, и назвали бы его Котик. Он был бы как морской кот, только морской пёс. Как назвать корабль? Ну, это уже нужно со всеми советоваться, не может же Марья одна принимать такое важное решение. И они точно заплыли бы в город за Пашей... Хотя там один скудный пруд, да и только... Но Марья была уверена: Паша согласится и рванёт вместе с ними.

Хотя пришедшее от неё сообщение говорило об обратном, и Марью это расстраивало.

Возле самой воды она вдруг заметила знакомую спину в вязаном сером свитере, и нежно-розовые короткие волосы. Марья не сразу вспомнила, кто это, но решила, что стоит поздороваться.

...Лицо у обернувшейся девушки явно было огорчённое. На коленях лежала книга.

– Привет... – сказала она растерянно, и, кажется, почти рефлекторно. – Мы же где-то виделись, да?

– Угу, – кивнула Марья. – Только я тоже не помню где. Я Маша. А ты?

– Юля.

– Прости, но... Что-то случилось?

– Почему? – не поняла Юля.

– Мне... показалось.

– У меня планшет спёрли. Сижу вот, думаю, что делать.

Марья присела рядом.

– Как так получилось?

– Вытащили, – пожав худыми плечами, Юля закрыла книгу. Это был Ремарк, «На Западном фронте...» (Марья быстро отметила про себя, что читала только первые несколько страниц, а потом её отвлекли). – Сумка открыта была, из метро вышла, а его какой-то мужик дёрнул и сбежал. Я и не увидела...

– Из метро, говоришь... – протянула Марья задумчиво. – Ты не думала, может, он до сих пор...

В голове её что-то щёлкнуло: перед глазами встало лицо того самого парня, который предлагал планшет проходящим.

– Петроградская?! – спросила она, вскочив.

Юля подняла брови.

– Ну да, а...

– Иди срочно туда!!! Я побегу, а ты... иди на Петроградскую! Догоняй!

Ничего больше не объяснив, Марья бросилась бежать.

«Что я делаю? Что я буду делать, если найду его? Неужели кинусь в драку?!» – почти что испуганно думала она на бегу, минувя те же самые катера и лодки, которыми любовалась несколько минут назад. В ней смешались противоречивые чувства: Марья думала, что ничего не сможет сделать, даже если поймает вора, что, может быть, это даже не он украл планшет, может, его уже и нет на станции... И чем больше она об этом думала – тем быстрее двигались её ноги. Преодолев Гренадёрский мост за считанные мгновения, она помчалась к светофору.

«Почему... я вообще туда бегу?!»

Мимо проносились люди, в лёгких кололо тяжёлой болью – бегать Марья не очень любила и не очень умела – вся спина вспотела, однако она не остановилась, пока не добежала до станции. Быстро скользнула по терминалу пропуском, шмыгнув сквозь турникеты настолько быстро, что они громко схлопнулись за её спиной, и даже охранник сунулся вперёд (заметила краем глаза), но Марья уже слетела вниз по эскалатору, минувя стоящих на ступенях людей. Только лишь на половине она осознала, что перепутала проходы, и ступени под её ногами едут противоположно её движению – вверх. Смутилась, почувствовав себя очень глупо, но не остановилась (потому что было бы глупо разворачиваться и ехать назад), и почти что вприпрыжку добежала до конца эскалатора, при этом извинившись перед бабушкой в стеклянной кабинке, глядящей на неё как на чокнутую.

Парень до сих пор был тут: ему в очередной раз отказали.

Только теперь запыхавшаяся и вспотевшая Марья поняла, что не сможет ничего ему сделать.

И вновь останавливаться было поздно. Она двинулась вперёд, едва передвигая ноги и не понимая, что будет делать. Всё, что ей было нужно – это забрать украденный у Юли планшет, пускай даже силой.

Подойдя, она тронула парня по плечу куртки. Тот обернулся, взглянул вопросительно.

– Ты украл его, – тяжело дыша, сказала Марья, показав на планшет. – Я знаю, что украл. Отдай пожалуйста.

– С какого это?! – изумился парень, отшатнувшись. – Тихо спиздил и ушёл – называется «нашёёл», так что отвали! Ничего не знаю!

– Так ты всё-таки украл его!..

– Иди куда шла, а то въёбу!

Марья почувствовала, как к горлу от отчаяния и обиды (а может – от долгого бега) подступает ком, а потому бросилась на парня с криком:

– Да я сама тебе!..

– Маш, ты чего?! – сзади к ней подбежала запыхавшаяся Юля. И как так быстро успела, неужели, тоже бежала? – Маш...

– Это он... – пропыхтела Марья, пытаясь дотянуться до планшета, который парень упрямо оттягивал назад на вытянутой руке.

– Да отвали ты!

– Это ведь и правда мой планшет! – изумилась Юля. – Там даже наклейка сзади такая же!

– Да отъебитесь вы уже!!! – закричал парень, вырываясь из рук Марьи. На них уже подозрительно поглядывали окружающие люди, одни только охранники возле эскалаторов ничего не замечали.

– Просто отдай мой планшет, – сказала Юля.

Парень отступал назад, прижимая планшет к груди обеими руками.

– На хер пошла, я сказал! Валите отсюда! Продаю что хочу!..

Марья вскинула руку вперёд:

– СТОЙ!!!

Нога пятывшегося парня не встретила под собой опоры: он сам не заметил, как подошёл к краю платформы.

Раскрыв рот, он замахал руками, выронив планшет: выпав, тот рухнул вниз между рельсами. Марья ринулась вперёд, схватила вора за плечи и резко потянула на себя изо всех сил. Покачнувшись, он рухнул прямо на неё, придавив её к полу, при этом коленом стукнулся о край платформы и поспешно убрал ногу.

– Ты ёбнутая!!! – почти что со слезами завопил он на Марью. – Я чуть не сдох из-за тебя, ты знаешь, что там всё под напряжением?!! Катись нахуй со своим планшетом, блять!!! – поднявшись на ноги, он хотел ещё что-то сказать, но на него наехала уже Юля.

– Ты понимаешь, что она тебе жизнь спасла?

– Да она ёбнутая в край, и ты такая же!!! – кажется, осознав, что он в меньшинстве, вор бросился бежать к эскалатору.

Проводив его взглядом, Юля наклонилась к сидящей на полу платформы Марье.

– Ты как, Маш? Всё хорошо? Не ушиблась?

– Цела... Вроде. Планшет твой... туда упал, – Марья кивнула в сторону рельс. – Спроси охранников, может, достанут...

– Ох-х, ну и чудо же ты... – удивлённо проговорила Юля, погладив её по макушке.

– Юль, планшет... Ты всё же сходи, а то поезд проедет и...

Они словили джек-пот: охранники, к которым подошла Юля, слышали, видимо, часть их разговора, а потому не дали вору зайти на эскалатор и остановили его для проверки документов. А когда Юля им всё объяснила, даже согласились достать с рельс планшет, пока не прибыл поезд. На всю эту суету Марья смотрела немного отстранённо, чувствуя, как пусто в голове после случившегося.

Благодарная Юля, планшет которой благополучно вернули, крепко обняла Марью.

– Маш, спасибо тебе большущее. Ты очень смелая.

...Всё произошедшее в метро нагрнуло на Марью гораздо позже, когда она уже успела прийти домой. Вспомнилось, как на неё кричал тот вор, как он чуть не упал на рельсы, а она его спасла, как кричал на неё, и с какой благодарностью смотрела Юля... Всё это одновременно всплыло в голове, так что, едва дойдя до комнаты, Марья рухнула на колени и отчаянно заревела – наверное, на всю квартиру. Всю её била дрожь, а слёзы текли почти что сами. Естественно, прибежала утешать её Аня, выслушала её сбивчивый рассказ и ещё долго говорила что-то успокаивающее, обнимая сестру.

– Ты и правда очень-очень смелая, Марьюш, – сказала она серьёзно, когда Марья почти успокоилась. – Даже если бы планшет не спасли, ты всё равно спасла человеку жизнь. Это очень дорогого стоит, каким бы этот человек ни был.

– Я не хотела, – всхлипнула Марья, повесив нос. – Оно как-то само.

– Не думай об этом, сестрёнка. Всё уже хорошо. Ты прекрасный человек, Марья, запомни это, ладно? И кстати, ты своей подруге-то позвонила?

– Н-нет... – Марья покачала головой. – Как-то... Не решилась.

– Ну так решайся, – Аня встала и улыбнулась. – Приготовить тебе яичницу? Могу и с чесноком, как ты любишь...

«Ты очень смелая, – звучали в Марьиной голове слова Юли и Ани. – Ты очень смелая, Марья».

За окном была почти что ночь. В комнате был выключен свет. Окружающий мрак разгоняло только синеватое свечение от экрана телефона.

«Тише, Марьици, ведь ты должен быть отважным и храбрым», – произнесла она мысленно, нажав на кнопку вызова.

После череды длинных гудков раздалось несколько коротких: Пашка сбросила звонок.

3

«Только не сейчас, Марья. Только не сейчас», – подумала Пашка, нажимая на кнопку сброса.

Телефон затих.

Едва ли Пашка могла объяснить самой себе, почему она сделала это. Но она точно знала, что для выяснения отношений нельзя находиться в таком состоянии, в каком она сейчас. Да, Илюшка помог ей немного развеяться, но, показывая ему, что всё в порядке, Пашка больше притворялась – а с Марьей притворяться было нельзя, только не с ней.

– Молодые люди, – в комнату заглянул отец. Обращался он, скорее всего, к мальчишкам, – извольте пройти на кухню, там стынет жареная картошка.

– Не, спасибо, я... – начал было Илюшка, но Бульбазавр толкнул его локтем, шепнув:

– Отказываться невежливо.

– А ты, Паш? – спросил папа, пропустив мальчишек мимо себя.

Лысяя махнула рукой.

– Всем за столом всё равно места не хватит. Попозже поем.

– Если захочешь, присоединяйся к нам. Мы будем рады.

Он закрыл дверь.

Какое-то время полежав в комнате, охватываемой сумраком вечера, Пашка тяжело вздохнула. Поднялась, посмотрела на телефон, запоздало поняла, как здорово было бы снова услышать Марьин голос. Увидеть её, заглянуть в глаза, обнять, прикоснуться к пальцам, оставившим отпечатки на её снах.

Пашка чувствовала, что не сможет заговорить с ней. Но нужно было, чёрт возьми, исправить положение! Она схватила телефон и быстро напечатала сообщение:

«Я не могу говорить, но очень скучаю. У меня не лучшие времена, но я надеюсь, что с тобой всё хорошо. Ты даёшь мне надежду. Я обязательно позвоню тебе»

Не позволив напрягшимся пальцам ничего стереть, Пашка тут же нажала на кнопку «отправить», и СМС улетело, навсегда закрепившись в диалоге. Не сотрёшь, не исправишь, не перепишешь. Стало немного легче, хоть и осознание того, что она написала полную глупость, не заставило себя долго ждать. Пашка неслышно взвыла, спрятав лицо в согнутые колени. Что ещё значит это дурацкое «ты даёшь мне надежду»?!

Заурчал живот: Лысяя почувствовала, что голодна. А с кухни предательски-вкусно тянуло жареной картошкой – Пашка её очень любила. Особенно, если мама добавляла в неё немного лука или специй, аромат был такой, что слюнки текли.

Неслышно выйдя из комнаты, она подошла к углу, из-за которого был виден небольшой стол. Обычно за ним с лёгкостью умещалось всё небольшое семейство Романовых, но теперь место осталось только на одного, и то другим пришлось бы потесниться. Илюшка увлечённо рассказывал папе о монетках Аньки Гриб, и о том, что у него папа директор футбольного клуба... Какое-то время поглядев на них, Пашка подумала: вот, наверное, как должна была выглядеть нормальная семья. И таких вот нормальных мальчишек заслужили её родители, а не... не то, что сейчас призраком отражалось в тёмном окне. Лысое, хмурое, татуированное и пирсингованное. Вечно влипающее в неприятные истории, тусующееся с гопарями и... да всего и не перечислить.

Пашке стало неудержимо горько. Развернувшись, она неслышно прокралась к двери, оделась, неслышно отворила защёлку и выскользнула в коридор.

4

Выйдя из подъезда, она поплотнее запахнулась в кожанку, огляделась и заметила на лавке поодаль знакомую телогрейку: никак, Палыч вернулся.

– О, – сказал он приветственно, когда она прошла мимо. – Доченька, есть прикурить?

Присев на лавку рядом с ним, Пашка поделилась сигаретой из пачки. Палыч чиркнул спичкой и с наслаждением закурил.

– Палыч... А ты помнишь своих родителей? – негромко спросила Пашка, глядя куда-то в пустоту. Сама не поняла, зачем спросила, но слово не воробей.

– Помню, как не помнить, – сказал Палыч, задрав голову вверх. – Батя у меня был такой себе. Колотил нас с матерью постоянно, пил как не в себя... Повесился, когда с завода попёрли. А вот матушка хорошая была. Всегда меня защищала. И есть готовила – объедение.

– А братьев, сестёр не было?

– Был... братишка. Умер во младенчестве. Санькой успели назвать.

«И зачем только заговорила...» – подумала Пашка, выпустив изо рта облако еле видимого холодного пара. Осень начинала вступать в свои права уже в августе.

– В этом доме, между прочим, жили, – сказал Палыч, будто бы невзначай. – А потом, когда мама померла, я... Путешествовать подался. Сам не заметил, как остался ни с чем. Ни друзей, ни родных... Какое-то время вертелся, а потом... сама видишь.

– Так ты путешествовал? – удивилась Пашка. – Это ведь здорово! А где был?

Палыч махнул рукой.

– Да ток на словах и здорово, доченька. А я такой человек: мне постоянно домой хотелось. И не туда, где раньше жили, а... Ну, *куда-то ещё* домой.

– Может быть, ты для того и путешествовал? – предположила Пашка негромко. – Чтобы найти, где твой настоящий дом.

– Сколько ни ходи, я б всё равно не нашёл. Запомни, Пашенька: всё, что люди ищут в путешествиях, уже скрыто внутри них. Оно всегда с ними. А путешествия... Ну, благодаря им люди понимают, что дом – там, откуда они ушли.

– Опять сидят болтают, дармоеды... – вклинился в паузу зудящий голос Хрыч, прошедшей куда-то мимо них. – Психованная, ещё и с бомжами тусуется, у-у, погоди, в прокуратуру-то доложу на тебя...

Пашка хмуро поглядела ей вслед.

– Карга старая.

– Эх, а в молодости-то до чего свежа была, – как-то даже романтически улыбнулся Палыч.

От таких заявлений у Пашки глаза на лоб полезли.

– Ты что, знал её?!

– А то! – ухмыльнулся Палыч. – Переехала в квартиру над нами, такая девица была, эх-х мы с ней!..

– И ты молчал?! – изумилась Лысяя. – Ты с Хрыч пёхался, серьёзно?! Капец, Палыч, ну ты даёшь...

– Ну а что... – невозмутимо сказал тот. – Ты бы видела Анну свет-Константиновну в молодости, эх-х! Пацаны наши ей проходу не давали, все в любви клялись, предложения делали, а она только меня любила! Вот времена были...

– А что потом?

– А что? У меня-то ни гроша не было, а время-то такое, что семью на что-то содержать нужно. Выбрала, значит, сокурсника моего в женихи. Хрыч у него фамилия и была. Ой, Пашенька, какой ж он был сволота! Но с холодильником... А я... Эх! – и Палыч раздосадовано махнул рукой, выкинув окурочек в урну рядом со скамейкой.

– А какая у неё раньше фамилия была?

– Журавлёва. Красивая была, жаль, что сменила. Все друзья ей кричали: «Журавлёнок! Журавлёнок!» Она сердилась, но, вроде, не против была.

«Действительно красивая фамилия», – подумала Пашка, а вслух сказала:

– Что-то у неё... кажется, в жизни не сложилось.

– Так видишь, муж-то был обеспеченный, да лупил мою Аннушку денно и ношно. Детей они так и не завели, а Аннушка-то заболела, и видишь... болеет до сих пор.

– Всё-таки болеет? Я думала, она просто так на меня злится.

– Это одно и то же, – пояснил Палыч. – Злоба – тоже болезнь. А заражаются ей люди, покуда несчастливы.

Пашка на долгое время задумалась. Потом вспомнила и спросила:

– Палыч, да ты врешь! Столько времени Хрыч мимо тебя ходит – и всё бомжом обзывает, да материт! Неужели, вы действительно...

И тут Палыч всерьёз погрузнел: настолько искренне и неожиданно, что Пашка испугалась.

– Не помнит она меня, – негромко сказал бездомный, отводя глаза за спутанными волосами.

– Прости, Палыч, – сказала Лыся с сожалением. – Дура я, не знала.

Глава 6. Лизок

1

Лето близилось к концу неумолимо, и Пашка кое-как успевала ухватывать за хвост последние тёплые деньки: на последнюю неделю августа прочили сильное похолодание. Изодня в день гуляя по городу, с Ладаном или без, она изредка встречалась с Шаровой или кем-то из его компании. С ними всего за месяц-другой сложились отношения лучше, чем с одноклассниками за все десять лет учёбы. Несколько раз Пашке удалось вытащить Говнаря из дома и прогуляться с ним до пирса: затворник подрабатывал айтишником в фирме, работающей на какую-то там партию. Смерть Кира Говнаря пережил со странной, почти что равнодушной покорностью: так, мол, судьба сложилась, характер у него всегда был не сахар, сам виноват. Пашке, когда он такое сказал, захотелось ему врезать, но она сдержалась.

Простынь, кстати, с начала августа куда-то пропал и с тех пор не появлялся на горизонте, никому не звонил и не писал; Говнарь ничего про это не знал и пожимал плечами, давно, мол, не виделись.

Больше всего Пашку беспокоила Лизок.

Она была как оставленная надолго большая опухоль: вроде как и болела, и нужно было что-то делать, а прикасаться не хотелось, как бы не сделать хуже. И в один день Лысяя решила: будь что будет. И позвонила подруге.

Та взяла трубку, как всегда помолчав пару мгновений.

– Алло.

– Лизок, здоровки, тебе Лысяя звонит, – Пашка попыталась изобразить бодрый тон. – Слушай, давно не виделись, а погодка-то за окном какая! Погнали прошвырнёмся немного? Я пивка куплю, если хочешь... Проветришься хоть.

– Нет, спасибо, Паша. Не хочу.

– Ну давай тогда я зайду? – бодрость голоса немного упала, но осталась наигранная весёлая уверенность. – Лизок, ну ты чего, давно ж не виделись...

Лизок замолчала, кажется, обдумывая, хочет ли сейчас принимать гостей.

– Лизка-Лизонька-Лизо-ок, погуляй со мной разок... – шутливо напела Лысяя.

– Тебе очень хочется?

– Очень! Прямо сил нет, как давно я тебя не видела! Столько всего рассказать хочу...

– Ладно, тогда... Давай около «Кировского» через полчаса.

Лизок в их компании была тем самым человеком, который всегда и всюду систематически опаздывал. Не сказать, что специально, но будто бы сам её организм был настроен таким образом, что если она придёт вовремя, то собьются какие-то таинственные схемы и всё полетит к чертям. Лизок умудрялась опаздывать даже тогда, когда в трубку говорила, что уже подходит к месту встречи. Более того, однажды Лысяя назначила встречу, как и сейчас, «через полчаса», вышла из дома спустя сорок минут, быстро добралась до места – и даже тогда ей пришлось ждать Лизку. Эта её черта иногда порядком раздражала, однако со временем стало ясно, что ничего поделать нельзя: девушке будто бы и правда где-то на генном уровне было предписано всегда опаздывать.

А сейчас она пришла ещё и не одна: за ней вслед тащились два таджика, что-то активно ей предлагающие. Лизок спешно перебежала дорогу, без слов спрятавшись за спину Пашки и схватив её за рукава.

– Ну и куда спряталась, э, иди сюда, – сказал первый из таджиков, подходя к ним.

Лысяя сделала шаг вперёд, чувствуя, как накаляются «газом» внутренности.

– Я сейчас твоё ебало спрячу, выродок.

– Э, ты чё, подружка её? – спросил второй. – А чё лысяя, болеешь?

– Господи! – испугалась какая-то пожилая женщина с пакетами, когда прямо возле неё сокрушительно рухнул на землю таджик, держащийся за лицо.

– Извините! – сказала ей Пашка. Извинения были встречены проклятиями: женщина поспешила прочь. Вторым таджиком, ещё стоящим на ногах, хотел, было, что-то сказать, но посмотрел куда-то в сторону. Проследив его взгляд, Лысяя увидела поворачивающийся из переулка в их сторону полицейский «бобик».

– Идём, Лизок, – сказала она негромко, потянув подружку за рукав. С полицией у неё отношения были весьма натянутые: пара приводов из-за «актов вандализма» (иначе говоря, рисование граффити на стенах), а также частые задержания за драки сделали своё дело, и в участке Пашку Романову хорошо знали.

Ударенный таджик, как назло, не спешил подниматься с земли, держась за лицо.

Пашка и Лизок молча и торопливо дошли до угла дома. В последний момент Пашка обернулась. Как и следовало ожидать, «бобик» тормознул прямо возле «Кировского», а вышедший из него человек в форме выслушивал жалобы таджиков, показывающих в их сторону.

– Лизок, сворачиваем за угол – и бежим, – сказала Пашка негромко.

Лысяя возблагодарила небеса за то, что эта мысль пришла ей вовремя. Как только они отбежали от угла метров на сто, «бобик» тут же показался из-за здания магазина, свернул в их сторону. Бежать вдоль дороги было глупо и бесполезно – и Пашка потянула Лизку во двор, под сень сгорбленных, медленно желтеющих деревьев.

Остановившись было нельзя. К счастью, в следующем дворе была та самая девятиэтажка, которую «откупили» недавно Лысяя с Илюшкой. Припомнив это, Пашка побежала туда.

– Охрененная прогулка, – задыхаясь, сказала Лизок. Бегать она хоть и умела, но не очень любила: когда их компании приходилось от кого-то удиравать, она часто бежала самой последней, хоть и поспевала.

Лысяя не нашла, что ответить подружке. Они выбежали из двора, поглядев по сторонам. Два двора разделяла узкая дорога, на другом конце которой – вот подстава! – показался злополучный «бобик».

– Быстрее!

Они пересекли дорогу, бросившись к тому самому подъезду. Набрал случайный номер квартиры, Пашка сделала собственный голос ужасно тонким и писклявым, пролепетав, «я забыла ключики дома, откройте пожалуйста...». Вместе с писком домофона послышался вопрос вроде «кто это, из какой квартиры?». Заходя за Лысой, Лизок не удержалась, ответив что-то вроде «Это кавалер твоей маман». Не удержавшись, Пашка захохотала в голос, и смех её сопровождал хлопок железной двери.

– Мда-а... – хмыкнула Пашка, с крыши глядя на «бобик», остановившийся возле подъезда. – Как думаешь, что они будут делать?

– Хазэ... – Лизок улеглась прямо на плоскую крышу, раскинув руки, и тяжело дышала: всё никак не могла оправиться от долгого бега. – Надо было дома остаться...

– Да ладно тебе, – улыбнулась Пашка, ложась с ней рядом, но руки сложив на животе. Даже прозрачная синева небес в этот момент почему-то показалась ей какой-то... интригующей. Колючая поверхность крыши немного покалывала лысину – Пашка всё же недавно сходила к парикмахеру и состригла с черепа всю короткую «шерсть», посмевающую расти без её ведома.

Они немного помолчали.

– Лиз... Ну что, как дела-то? – спросила Пашка.

Лизок тяжело вздохнула носом (чёрная футболка вздыбилась и опустилась).

– Я хочу умереть, Паш, – неожиданно призналась она. – Чтобы быть *с ним*. Снова.

От таких признаний по коже поползли мурашки.

Что вообще можно сказать человеку, который говорит такое? Пашка не знала, и от этого ей стало очень тягостно. Она точно знала, что нельзя Лизке сейчас умирать, и вообще нельзя никому из её друзей, но... как их убедить в этом?

– Лиз, слушай, я понимаю. Но...

– Ничего ты не понимаешь, Паша. Не обижайся, но *он* всегда смотрел на тебя как на равную. А на меня – как на школоту какую-нибудь. Я всегда мечтала быть похожей на тебя, даже однажды подумала: может, побриться? Но это было бы тупо...

«Ещё как», – подумала Пашка, а вслух негромко возмутилась:

– С хуя ли я не понимаю? Он мне не друг что ли? Ты знаешь вообще, насколько мне было хуёво, и как мне тоже хотелось умереть? Да вот только смерть ни хрена не изменит и Кира не вернёт.

– Может, и мне тогда жить не стоит.

– Лизок, ты заебала говорить так! – честно сказала Пашка, приподнявшись на локте. – Ты хоть раз подумала о том, что с нами со всеми будет, если после Кира ещё и ты уйдёшь? А что, если все мы от горя повесимся, будет с нашими семьями, друзьями, знакомыми – им тоже на стену лезть? Нужно просто жить дальше, а не делать окружающим ещё больше, чем было.

Она легла обратно и произнесла потише, не глядя на подругу:

– Поэтому все те, кто с крыш сигает да вены режет – чёртовы эгоисты. Можно ещё понять, если в жизни совсем ничего не осталось, и за душой нихуя нет. Но как же меня выбешивает, когда человек просто хочет сдохнуть, а о тех, кто его любит, вообще ни хера не думает.

– Прости, – сказала Лизок негромко.

Помолчала немного, затем добавила:

– Я просто... так по нему тоскую.

– Да я понимаю, Лизёныш, – грустно вздохнула Пашка. – Я тоже, но... что тут поделаешь. Мёртвых не вернёшь.

Они помолчали. Лысяя, скрестив руки на животе, хмуро смотрела в безоблачную небесную глубину, размышляя: каков шанс того, что Лизок после её слов раздумает суицидиться? Она ненавидела читать кому-то морали и вообще делать вид, что она что-то понимает в жизни больше других. Конечно, Пашка не любила, когда так делал кто-то другой. Но сейчас это было нужно, иначе могло произойти... ещё одно непоправимое.

– Паш, у тебя сигареты есть? – спросила Лизок спустя долгое время молчания.

– Не-а. Я не покупала больше...

– А ты же ведь...

– Что? Я давно бросила.

Лизок немного помолчала, а затем тягостно вздохнула.

– Покурить охота. Глянь, менты уехали, нет?

Пашка высунула голову, поглядев на располагающийся внизу двор. Именно в этот момент «бобик» двинулся с места, уезжая: «фараоны» ничего не нашли.

– Свалили... Слушай, у меня есть одно предложение, от которого ты просто не сможешь отказаться!

Лизок глянула заинтересованно.

2

На следующее утро в горле с похмелья было сухо, как в раскалённой пустыне.

«Сколько же сейчас времени?» – подумала Пашка, пытаясь понять, где она лежит, как она тут оказалась и какое сейчас время суток. Она припомнила, что они с Лизкой, скинувшись – у обоих имелось по 200—300 рублей в заачках – отправились в местный бар, «Мельница». Пашку туда постоянно пропускали без паспорта, так как хозяин бара был знакомым Кира, а Кир раньше часто сюда захаживал вместе с ними. Вот только всё, что произошло в «Мельнице», было как в тумане: Лысяя вообще ничего не могла вспомнить, и это изрядно напрягало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.